

ВАЛЬХЕН

Ольга Громова

Ольга Константиновна Громова

Вальхен

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65507467

Вальхен: КомпасГид; Москва; 2021
ISBN 978-5-00083-760-3

Аннотация

Безоблачное крымское лето. Впереди у тринадцатилетней Вали каникулы: купание, чтение, разговоры с лучшей подругой. А потом – седьмой класс и четыре года отличной учёбы ради мечты поступить в медицинский. И дальше – целая жизнь.

Но 22 июня 1941 года грянула война, и каждый день приносил перемены. Вот исчезли с улиц молодые мужчины. Вот уже часами нужно стоять за самыми простыми продуктами, а потом и вовсе получать их по карточкам. Вот в дома ворвались оккупанты, а на столбах и стенах появились прежде немыслимые приказы и угрозы.

Пройдёт несколько месяцев, и девочку отправят вместе с сотнями других в Германию, где на неё навесят знак «OST», как клеймо: «остарбайтер» – не человек, а дешёвая рабочая сила. Тяжёлый труд, несправедливость, лишения – и взросление, знакомство с удивительными людьми, которые называют её по-немецки: Вальхен. Первая любовь. И снова – целая жизнь.

«Вальхен» – новый долгожданный роман Ольги Громовой, автора одной из главных детских книг XXI века – «Сахарный ребёнок», – выдержавшей уже восемь изданий в России и переведённой на десяток языков, от французского до тайского. Через историю жизни Вальхен и её старшей подруги Наташи, через мельчайшие исторические детали и бесчисленные человеческие судьбы создаётся картина эпохи. Как и в «Сахарном ребёнке», в основе «Вальхен» – подлинные судьбы многих людей. В этой книге тоже нет чёрного и белого, нет однозначных оценок – зато есть захватывающий сюжет и множество вопросов, на которые герои ищут ответы. И приглашение к диалогу – с друзьями, в школе, в библиотеке, к диалогу с Историей.

Содержание

Германия. Лето 1942	7
Пятнадцать марок	8
СССР. Июнь 1941 – апрель 1942	10
Валя	11
На море	11
Наташа. Из дневника	18
17 июня 1941 года	18
18 июня	20
21 июня	23
Валя	28
Воскресенье	28
Другая жизнь	40
Наташа. Из дневника[21]	52
25 июня	52
28 июня	53
29 июня	55
1 июля	56
7 июля	58
Валя	60
Из Севастополя	60
Наташа. Из дневника	77
18 июля	77
25 июля	78

15 августа	79
18 августа	79
23 августа	81
24 августа	83
28 августа	84
18 сентября	85
28 сентября	87
Валя	90
Тихий город	90
Пришли	108
Новые будни	130
Наташа. Из дневника	146
10 ноября	146
14 ноября	146
15 ноября	147
16 ноября	147
19 ноября	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Ольга Громова

Вальхен

© Громова О. К., текст, 2021

©ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2021

* * *

Памяти крымчанки Валентины Георгиевны Салькиной, много лет назад рассказавшей мне свою историю.

Множеству людей, чьи судьбы также легли в основу романа, и всем, кто сумел остаться человеком в страшной войне, посвящаю эту книгу.

Автор

Германия. Лето 1942

Германия. Лето 1942

für _____Arbeitskräfte

aus _____

Eintritt in die Zone der Arbeitsverrichtung
zum Zwecke der Umkleung ist nicht
Dabei sind die Arbeitskräfte aus dem
einschließlich der Arbeit.

der Zeitgenossen

Keim für Fingerabdruck

Пятнадцать марок

...На плацу между бараками почти сотня женщин выстроилась в одну длинную линию. Вдоль неё ходили немцы в штатском, а по краям стояли надсмотрщики.

Две холёные дамы с высокими причёсками, серьгами в ушах и в модных платьях с накидками придирчиво рассматривали пленниц постарше: заставляли поворачивать ладони, показывать зубы и волосы, что-то отрывисто спрашивали через почтительно трусившего за ними переводчика. Наконец каждая указала на выбранную ею женщину.

– По двадцать марок в кассу, пожалуйста, – сказала им надзирательница и повелительным жестом велела женщинам отойти в сторону. Дамы удалились.

Только услышав это «двадцать марок», Валя вдруг осознала, что происходит: их продают! В памяти всплыла картинка из школьного учебника: невольничий рынок в Соединённых Штатах прошлого века. Кто бы мог представить, что она окажется на месте этих несчастных рабов, судьба которых так ужасала её тогда?

Двое мужчин время от времени жестами приказывали кому-то из пленниц отойти в одну или другую сторону, считая их и формируя группы для себя. Их взгляды равнодушно скользили по невысокой, худенькой Наташе, которой никак нельзя было дать её семнадцати лет, по забинтованной руке

Вали, которая и вовсе в свои тринадцать выглядела маленькой девочкой. Немцы брезгливо кривились при виде Нины, крепко державшей за руки двух детей, и сторбившейся Асией, казавшейся совсем старенькой в своём низко повязанном платке.

Наконец бóльшую часть пленниц разобрали, и покупатели, поторговавшись с начальником лагеря и удовлетворившись словом «пятнадцать», пошли платить за всех оптом.

– Я беру этих, – заявил стоявший всё это время в стороне высокий худой немец в куртке, указав на Валию и Наташу.

– Нет, – возразил другой, который набирал целую группу. – Мне одной не хватает. Ещё вот эту.

Валя

На море

– Маринка, а ты книгу-то читаешь, которую я дала? Как тебе? – Валя лежала на песке рядом с подругой, смотрела в безоблачное небо и прислушивалась к тихому шороху волн. Раскинув руки, она неспешно зачерпывала ладошками мелкий пляжный песочек и просеивала сквозь пальцы, наслаждаясь его шелковистым прикосновением.

– Как-то очень нудновато. Природа, рассуждения какие-то...

– А по мне, как раз это интересно: автор будто думает вслух, и ты вместе с ним. И, кстати, так не говорят: «очень нудновато».

– Это ещё почему?!

– Как почему? Потому что «нудновато» – это слегка нудно, немножко. А как может быть «очень слегка»?

– Да ну тебя, Валька! – Маринка взмахнула рукой, и на Валию полетел песок. – Зануда ты... говорят – не говорят. Не всё равно как, если понятно, что хочу сказать?

Валя повернулась на живот, чтобы видеть подругу, а заодно стряхнуть с лица песчинки.

– А кто недавно говорил, что после семилетки в училище

пойдёт, на воспитателя? Не ты? – Валя улыбнулась. – А воспитатель может иметь «плошку»¹ по русскому?

– Да ладно, прямо уж «плошку»... У меня сейчас за шестой класс «поска». Это значит, что мои знания так себе, но они есть. Что, не так?

– Ну, в общем так, конечно, – примирительно сказала Валя. – А только твоя любимая малышня за тобой повторять станет. Чему ты их научишь?

– Ну вот у тебя «отл» по русскому. И чем это тебе в будущей профессии поможет? Если ты не учителем хочешь быть, конечно... или, может, ты *пионервожатой*² станешь? – Маринка поддразнивала подругу, знала ведь, что та хоть и учится на «хорошо» и «отлично», но школу, а особенно всякие

---

¹ В школах СССР с 30-х годов XX века знания учеников оценивали по пятибалльной словесной системе оценок. «Плошка» (*разг.*) – плохо, «поска» (*разг.*) – посредственно. С 1935 года оценки официально стали именоваться так: 1 – очень плохо; 2 – плохо, 3 – посредственно, 4 – хорошо (сокращали как «хор», отсюда слово «хорошисты»), 5 – отлично (отсюда – «отличники»).

² *Пионервожатая / пионервожатый* (или старшая пионервожатая, старшая вожатая) – глава общешкольной пионерской организации. Эта должность – не выборная, в отличие от других позиций в *пионерской организации* (председатель совета отряда, председатель совета дружины), на которые кандидатов выбирали сами пионеры из своих рядов. Старший вожатый – обычно взрослый человек, состоящий в педагогическом штате школы / пионерского лагеря. *Пионерская организация*, пионеры (Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина) – детская коммунистическая общественная организация, существовавшая в СССР с 1922 по 1991 год. Объединяла детей от 9 до 14 лет. В младшей школе подобная организация называлась «октябрята» – в неё дети вступали в первом классе и готовились к вступлению в пионеры.

пионерские мероприятия и сборы, не очень любит.

– Ты же знаешь, я в медицинский готовиться буду. Десятилетку закончу и поеду в Симферополь в институт.

– В институт?! После нашей-то захолустной школы?

– Не хуже других школа. Если прямо с осени, с седьмого класса, начать не просто параграфы читать, а поглубже во всём разбираться, так и подготовлюсь.

– Чудная ты, Валька! Разбираться – это одно, а учить – другое. зубри себе и зубри, вот и будешь знать. Всё и ответишь на испытаниях ³.

– Нет, – Валя засмеялась, – это ты можешь вызубрить наизусть и ответить. А у меня таких способностей нет. Если я чего-то не понимаю, то, учи не учи, всё равно не запомню. Мне разбираться надо.

– Ну ладно, допустим, ты поступишь. Но это ж четыре года готовиться. *И за учёбу теперь в старших классах платить!*⁴ И потом ещё сколько лет учиться... И за институт

---

³ Испытаниями в те времена в СССР называли экзамены. Кстати, переводные испытания школьники начинали сдавать с 4 класса каждый год.

⁴ *Плата за обучение.* Постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 2 октября 1940 г. № 1860 обучение в 8–10 классах средних школ, техникумах, училищах и других средних специальных учебных заведениях, а также вузах стало платным. Например, учёба в старших классах школы обходилась в 150 р. в год (в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик – 200 р. в год), в вузах – вдвое выше. Колхозники работали за трудодни, и по ним большую часть заработка выдавали натуральной продукцией вместо денег, поэтому они чаще всего платить за среднее образование детей не могли. Да и в городах для большинства семей эта плата была достаточно велика. Даже при том, что средняя зар-

ведь тоже платить! С ума сойти! И что – всю жизнь туберкулёзников лечить?

– Туберкулёзники – не люди, что ли? И их тоже. Вот как Пётр Асафович.

– Так ведь не лечится же, говорят, туберкулёз.

– Кто говорит? Бабки на лавочке? А ты слушай больше. У нас вон здравницу всесоюзную сделали, и со всей страны люди приезжать будут... представляешь?! А в посёлках во-круг не то что врачей, фельдшеров не хватает!

– И при чём тут твой русский? Петр Асафович, кстати, *караим*⁵. Ему же это не мешает хорошо лечить.

плата в СССР в 1940 году составляла 339 р., далеко не все могли позволить себе учить детей после обязательной семилетки. Плату за обучение отменили лишь в 1956 году. Плату за обучение в 8–10 классах школы, в большинстве техникумов и в вузах ввели в СССР с 1 сентября 1940 года. Сумма в 150–200 рублей в год была обременительна для большинства горожан, не говоря уж о сельских жителях.

⁵ *Караимы* – одна из народностей, традиционно живших в Крыму. Тюркоязычная этническая группа, потомки древних хазар, принявших когда-то иудаизм. Их ответвление этой религии называется караизм (или караимизм) – религия, родственная иудаизму. В Крыму традиционно жило много караимов. *Караимы не подлежат тотальному уничтожению, так как фашисты признали их не относящимися к евреям.* Переговоры о том, что караимы – не евреи, велись с Гитлером давно. В гитлеровской Германии задолго до начала Второй мировой войны евреи подвергались преследованиям и уничтожению. Поэтому ещё в 1938 году бывший городской голова Евпатории С. Э. Дуван, караим по национальности, живший в эмиграции, предпринял поездку в Берлин и обратился к министру внутренних дел по поводу определения этнического происхождения и вероисповедания караимов. В 1939 году он получил документ, в соответствии с которым караимский этнос не отождествлялся с евреями. Во время оккупации Крыма гитлеровцами над караимами нависла опасность быть поголовно истреблёнными, если захватчики причислят их к еврейской нации. Тогда С.М. Ходжаш –

– Не мешает, конечно. А ты замечала, как он понятно всё объяснял, когда *санпросвет-лекции*⁶ в школе вёл?

– Да я их не очень-то слушала. Но вообще... понятно, да... просто.

– И интересно тоже! Вот тебе и русский язык. Было бы у него «плохо» по русскому – он бы так хорошо не говорил.

– Ой, Валька, какая ты всё ж зануда...

– Может, это и хорошо, – улыбнулась Валя. – Врач, наверное, и должен быть занудой, да? А тебе точно нужно с малышами работать. Где играть, петь, шалить – ты первая! Я так не могу. – Валя откинулась на песок и посмотрела в небо. – А только знаешь, Марин, я вот мечтаю... Представь: на нашем лимане⁷ да с нашим климатом – как лечить можно...

крупный юрист, хорошо известный в Крыму, – не зная, какие указания придут немцам и как они станут их исполнять, разыскал в Центральном симферопольском архиве документы, на которые опирался также Дуван, о том, что караимы являются самостоятельным тюркским этносом.

⁶ *Санпросвет* – сокращение от «санитарное просвещение». В те годы в СССР были очень популярны лекции по санитарному просвещению. Обычно их читали приглашённые медики в школах, клубах, библиотеках. В школах, в зависимости от желания руководства и возраста слушателей, темы лекций варьировались от минимальных гигиенических требований в быту до изобретений советской медицины. В средних и старших классах ребят также учили оказывать первую помощь при несчастных случаях.

⁷ Лиман (от *греч.* λίμνη – гавань, бухта) – мелководный морской залив, отделённый от моря узкой песчаной косой. При полной изоляции от моря лиман превращается в солёное озеро. Часто лиманы содержат донные отложения (грязи), обладающие целебными свойствами. Нередко на лиманах организуются лечебные курорты разной специализации, в зависимости от состава воды и грязей.

Санатории чтоб как дворцы были и техника новейшая...

– Какая техника?

– Не знаю какая. Изобретут же люди что-то. Ну чтоб не только дыхание слушать и пальцами простукивать, как сейчас, а чтобы внутрь человека можно было заглянуть, не разрезая его, и понять, что почему болит. А уж потом лечить.

– Да ладно, рентген уж лет сто назад изобрели... на санпросвете рассказывали.

– Ну не сто, положим... И одного рентгена мало, Маринка! Он же не всё показывает!

– Деловая ты, и мечты у тебя какие-то... хозяйственные, – поддела подругу Марина. – Нет. Я вот мечтаю, чтобы у нас жизнь красивая была... как... как дворец, на Думской, где музей теперь. Ведь в таком доме люди, наверное, красиво жили... ну, раньше.

Валя неопределённо хмыкнула.

– Красиво жили, конечно. Одни. А другие им прислуживали. Потому и революция случилась.

– Ага. Все теперь равны, и слуг нету. А бабушка моя говорит: раньше были богатые и бедные, а теперь все одинаково бедные. И чем это лучше? Папа, правда, с ней ругается и мне не велит эти глупости повторять. Он же лётчик, красный командир, знает, как правильно. Только, Валь, – Маринка понизила голос, хотя в это раннее буднее утро на их любимом диком пляже никого, кроме них, не было, – я, знаешь, думаю... какие же это глупости, когда так и есть? Я ведь с

мамой по колхозам и совхозам ездю. И не только в нашем районе. Люди, знаешь, очень бедно живут. Куда беднее, чем у нас, в городе. Видно же.

Валя молчала, задумчиво теребя пепельно-русую косу. Серые глаза стали серьёзными – Маринка знала этот взгляд подружки, будто она внутри себя видит сейчас что-то невидимое другим, – так Валя обдумывала сложные вопросы. Может, и права Маринка? Бедно люди живут. Зачем тогда революцию делали? Или просто мало времени прошло – не успели ещё совсем хорошую жизнь наладить?

– А я верю, Марин, – сказала она после паузы, – что будет у нас ещё прекрасная жизнь для всех. Не зря же всё это было: и революция, и война. И дедушка, мамин папа, погиб тогда, в Гражданскую...

– Марина-а-а! Ва-аля! – донеслось издалека.

– Санька кричит. – Марина привстала, высматривая на горизонте брата. – Небось мама его послала нас искать. Я обещала к бабушке сходить. А поедем в воскресенье с моим папой на аэродром? Он обещал что-то интересное показать.

– Ой, поедем! Я с удовольствием! И Мишку можно взять?

– Можно-можно... Побежали домой!

Девочки вскочили – тоненькая, светлокожая, русая Валя и смуглая, коренастая Маринка с шапкой каштановых кудрей – и помчались, взметая босыми ногами тучи песка и размахивая зажатými в руках тапочками и сарафанами.

Наташа. Из дневника

17 июня 1941 года

Ура! Ура! Переводные испытания позади! Я сдала на «отл» последний предмет – географию! Правда, перед этим по физике едва не получила «поску», но выручил Сашка Файлерт – мне задали дополнительную задачу, если я хочу вытянуть на «хор», и разрешили готовиться за столом, не у доски. Я забыла формулу маятника и уже смирилась с «поской», когда он почти беззвучно, одними губами спросил, что у меня. Я так же беззвучно сказала «маятник», и он подсунул мне под партой записку. В итоге у меня все семь испытаний на «хор» и «отл». Хорошо, что мы не сдаём немецкий. Вот где я бы точно выше «поски» не получила! Мы думаем, что нам не повезло с учительницей, а вот у тех пятиклашек, которых в прошлом году взяла новая немка Ольга Эмильевна, на уроках вообще по-русски ни слова нельзя сказать, и они уже к концу года лихо болтают по-немецки.

Но, как тётя Лида говорит, всё хорошо, что хорошо кончается. Я в десятом классе! Ура! Как здорово, что папа и мама смогли заплатить за мою учёбу! Когда в прошлом году вышел указ, что после семилетки учёба в старших классах станет платной, я сильно расстроилась: думала, всё – успела

восьмой бесплатно закончить, а теперь придётся уходить в ФЗО⁸ или работать. А мама с папой хотели, чтобы я в институт поступила. Папа говорит: образование – самое главное в жизни. Неважно, в какой профессии, – в любой нужно.

Нашла в конце этой тетради наши с мамой прошлогодние расчёты семейного бюджета. Она мне там объясняла, как планировать расходы. Я как-то раньше и не думала об этом. А тут даже считала, сколько отнимет плата за обучение. В школе надо платить 150 рублей за год.

Мама тогда мне объяснила, что из общего дохода – папиной и маминой зарплат (а мама, пока Ванюшка маленький, работает ночной няней в яслях – это вообще гроши) – надо вычесть то, что удержано: подоходный налог, дополнительные сборы и обязательные, хотя и считаются добровольными, *платежи вроде государственного займа*⁹. Получалось,

---

⁸ ФЗО – школа фабрично-заводского обучения (школа ФЗО) – низший (основной) тип профессионально-технической школы в СССР. Школы ФЗО действовали на базе промышленных предприятий истроек, готовили рабочих массовых профессий для строительства, угольной, горной, металлургической, нефтяной и других отраслей промышленности. Срок обучения 6 месяцев.

⁹ *Платежи вроде государственного займа*, который хоть и считается добровольным, но всё равно не подписаться на него нельзя. Государственный заём (займ) внутренний – способ пополнения государственного бюджета на цели, на которые у правительства нет денег. Государство берёт деньги взаймы у населения на определённый срок, выдавая в качестве подтверждения облигации на определённую сумму. Держатели облигаций должны получать доход в виде установленного процента, который выплачивается с установленной периодичностью до срока погашения государством всего займа. Государственные займы 1930–40-х годов в СССР заявлялись как добровольные, но на самом деле были принуди-

что из реально оставшейся части доходов семьи в месяц плата за школу отнимет почти 7 %. А платить-то нужно сразу не меньше половины всей суммы. И цены на текущие расходы мы с мамой тогда считали только магазинные, а не всегда в магазине есть нужное. Вот Ванюшка недавно болел, так за мясом для него на рынок ходили.

И ещё повезло, что у меня только два года платное обучение, хотя тоже непросто. Тем, кто сейчас семилетку заканчивает, будет труднее. Три года выкладывать по 150 руб. – это не шутки.

Сейчас папе ботинки нужны на осень, а они 140 рублей стоят. И меня уже мучает совесть, что в сентябре за десятый класс платить, а я сама ничего не зарабатываю. Может, на лето наняться на работу куда-нибудь? Может, в санаторий – убираться? Я, правда, терпеть не могу уборку дома, а там ещё и больные... но надо подумать. Ну вот отдохну до конца июня и пока поспрашиваю, а там, с июля, можно бы и поработать. Хоть что-то получу за два месяца.

18 июня

Сегодня гуляли с девчонками по городу и вспоминали, как в прошлом году участвовали в городском соревновании на лучшее озеленение дворов. Мы тогда соперничали не тельными и отнимали немалый процент заработка. Срок такого займа составлял от 3 до 20 лет. Полные выплаты по облигациям можно было получить только по истечении срока, однако чаще всего вместо этого заём продлевался.

только с соседними дворами, но и друг с другом – ведь в разных кварталах живём. Все так гордились своими посадками, хвастались! Управдомы получали в Зелентресте¹⁰ саженцы деревьев и кустов и выдавали жителям. А цветы люди сами находили: из семян выращивали, в частном секторе у знакомых, у кого садики есть, отсаживали. В нашем дворе женщины такую клумбу соорудили – ступенчатую. Сегодня мы всё это обошли, везде смотрели, что как стало с прошлого года. Весь год бегали друг к другу, но как-то не глядели по сторонам – ну растёт и растёт что-то, а сейчас увидели, какой красивый город стал! Ведь у нас и земля плохая – тонкий слой суглинка, а под ним – ракушечник, и степь вокруг... само ничего не вырастет.

Вообще, призыв, который когда-то во всех газетах печатали, – «Сделаем город в степи садом!» – мы, похоже, и правда исполнили. Красиво стало, зелено! А сколько новых санаториев у нас! Про наш город теперь пишут «Всесоюзная здравница». Дендропарк, что ещё в 36-м году заложили, подрастает. Ещё несколько лет – и там будет густая тень. Машка Топалу сказала: будем там с колясками гулять. Мы смеялись, а она говорит: «Чего смеётесь? Надо, что ли, только о великих стройках мечтать? Я вот мечтаю замуж выйти, детей иметь красивых и умных!» Вообще-то да, у Машки, наверное, дети

---

¹⁰ Зелентрест – сокращение от «Трест по озеленению», организация, занимающаяся выращиванием саженцев деревьев, кустарников и цветов для озеленения города.

такие и будут – она вон какая умница, а в классе прямо тихий лидер такой: никогда вперёд не лезет, но к ней прислушиваются. А что, может, она и выйдет замуж сразу после школы – у караимов рано девочек замуж выдают. Только жалко будет, если она просто домохозяйкой станет, с её-то головой.

Достала свои детские дневники. Забавно читать. И почерк у меня там – ужас! И кляксы через страницу, даром что уже в четвёртом классе училась. Тогда бабушка приучала меня дневник писать. Заставляла даже. Говорила: помогает организовать мысли, развивает речь, и когда вечером записываешь события, то обдумываешь день. Мне тогда казалось, что это лишняя работа, я просто подчинялась. Вот и бабушки уже нет, а я год назад вдруг вспомнила детский опыт, взялась писать, и теперь самой нравится. Лет через 10–20 как будет интересно читать... А может, уже через 5 лет это всё будет важной для нас историей или, наоборот, мелкими пустяками.

Я часто вспоминаю бабушку и дедушку, но с папой о них не говорю. Ему и так больно. Они каждый год к нам в гости из своей Тулы приезжали, и мы с папой хотели к ним съездить, как только Ванюшка подрастёт немного, да так и не собрались, а теперь вот... Арестованы. *10 лет без права переписки*¹¹. Я понимаю: классовая борьба, «долой эксплуа-

---

¹¹ *Десять лет без права переписки* – формулировка приговора, которую в период сталинских репрессий в СССР часто сообщали родственникам арестованного, который на самом деле был приговорён к расстрелу. Исследователи сталинских репрессий считают, что эту формулировку органы НКВД использовали, чтобы

таторов» и всякое такое... это, наверное, справедливо... Но они-то не враги советской власти. Ну и что, что дедушка из купцов и до революции свою торговлю имел? Он же всё отдал государству. И жил как все – скромно, и агитацию никакую не вёл против советской власти. А бабушка гимназию закончила и учительские курсы – учительницей была. Её все в округе знали. А теперь вот уже второй год нам о них ничего не известно: ни где они, ни что с ними. Папа хотел написать запрос в тульское НКВД¹², а мама сказала: «Ты что, и нашу семью хочешь угробить?» Вот он теперь и не говорит об этом. Чего-то я не понимаю в этой «справедливости».

21 июня

Многие наши ребята ушли в прошлом году из школы кто куда – те, чьи родители не смогли платить за обучение.

скрыть реальные масштабы расстрелов. Обычно расстрельные приговоры приводились в исполнение довольно быстро, а родственники осуждённых, получившие сообщение «осуждён к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей. – *Ред.*) без права переписки и передач», годами надеялись, что те ещё вернуться из лагерей, хотя на деле их уже давно не было в живых. С 1939 года, когда была введена такая формулировка, и до осени 1945 года гражданские органы даже не регистрировали смерти таких расстрелянных, а органы НКВД на запросы об их судьбах не отвечали. После войны людям, которые подавали запросы в НКВД о судьбе близких, начали отвечать, что осуждённые умерли в местах лишения свободы.

¹² НКВД – народный комиссариат (по современному «министерство») внутренних дел. Название в 1930-40-х годах организации, которая ранее и потом много раз переименовывалась: ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ – ФСБ.

Встретила сегодня Славку Пономарёва. Он в железнодорожном училище. Там бесплатно и всего год учиться. Теперь вот заканчивает и станет помощником машиниста (младшим, что ли, он сказал... или старшим?). Будет помогать поезду водить. Жалко, что не получит образования. Учителя говорили, что у него такие художественные способности – ему бы школу закончить и идти в институт. Конечно, я советская девушка и понимаю, что в нашей стране всякий труд почётен и важен, но Славка мог бы стать хорошим художником. Разве Советской стране не нужны талантливые художники? Однако ничего не поделаешь: его родители – простые рабочие на фабрике, и у них кроме Славы ещё маленькие близнецы. Как тут за учёбу платить?

Осталось у меня перед Славкой какое-то чувство вины. Я вот учусь в десятилетке, хотя никакой не талант и вообще не знаю, чего хочу дальше, – вроде как по течению плыву: раз в семье все образованные, то и я должна. А он мечтал живописью заниматься, красоту создавать... и будет паровозы водить. Ну ладно, может, не паровозы, а что-то более новое. Но всё равно это кажется неправильным. И мне неловко было говорить, что я неплохо учусь, общественной работой в школе занимаюсь. На фоне его жизни это как-то несерьёзно.

И ещё мне обидно за Славку. Почему так? Папа говорит, что государству не нужно так много народу с высшим образованием, а нужны рабочие. Но тогда ведь получается несправедливо: высшее образование тоже стало платным,

и, значит, на него могут рассчитывать только дети тех, кто больше зарабатывает?! А такие таланты, как Славка Пономарёв, – не могут? Папа после революции получил высшее образование, и профессия ветеринарного врача – очень нужная стране, а нам всё равно трудно за мою учёбу платить. За что же тогда в революцию боролись? Революция ликвидировала социальное неравенство, и у нас все равны, и нет богатых и бедных... и что теперь – всё назад, к неравенству? Но когда я спросила об этом папу, он цыкнул на меня и сказал, чтобы я не задавала дурацких вопросов, мол, взрослая уже – должна понимать, что говорю. Ну, наверное, он прав. Буду думать.

А своё будущее я до сих пор как-то не очень серьёзно представляю. Тётя Лида на днях сказала: «Ветер у тебя в голове, девка, и за что только твои родители платят?» Обидно, но, если по-взрослому разобраться, – она права, наверное. Мне кажется, если я закончу десятилетку, а потом в институт не пойду, мама и папа будут разочарованы. Надеюсь, я за это лето и поработать смогу, и что-то про себя пойму. Впереди последний класс – пора уже. Вот Костя Василиади из десятого класса говорит: он давно решил, кем будет, – врачом, как отец. У них в семье не только отец, но и дед был врачом. Решил – и учился ради этого изо всех сил. В конце лета поедет поступать в институт.

Вчера у 10 класса был выпускной бал, и мы с ними гуляли до самого утра. У них пять человек получили аттестаты с от-

личием! Кстати, и Костя тоже. Теперь с осени на наш класс станут смотреть с надеждой. Учителя будут говорить что-нибудь воспитательное, вроде «вы старшие, должны быть примером для остальных». А сейчас и выпускники, и мы резвились, как малышня! Пели, болтали, а на рассвете многие ребята посбрасывали нарядные рубашки и брюки и – купаться! Море было тихое-тихое, и солнце из него вставало, будто из зеркала! Плавали, визжали, брызгались на тех, кто на берегу. Столько смеха было! Я не пошла в воду. Как-то неловко – не в купальнике, а в нижнем белье. Но некоторые девчонки рискнули и вслед за ребятами тоже в море полезли. И, кажется, никто не обратил внимания, в чём они купаются. Всем было весело.

Хорошо всё-таки жить у моря! Я люблю наш причудливый город, который состоит из таких разных частей, будто совсем разные города собрали и сложили вместе. И широкий мелко-водный залив люблю, и лиман, который поражает приезжих тем, что в нём почти невозможно утонуть. Не представляю, как бы я могла отсюда уехать. Но ведь если думать об институте, то уезжать придётся. Надо решить наконец, чего я хочу.

И ещё вопрос, потянем ли мы плату за институт. Там же вообще годовая оплата 300–400 руб. Чуть не вдвое больше нашего месячного бюджета! Слава богу, что это только через год. Может, ещё что-то изменится. Завтра воскресенье, зайду к тёте Лиде посоветоваться насчёт работы. Родителям пока говорить не буду, а то мама станет переживать, что я не

отдохну перед десятым классом. Попозже скажу.

Валя

Воскресенье

В воскресенье ровно в девять утра (не опаздывать! – велел накануне строгий Маринин папа) Валя вместе со старшим братом Мишей стояли у квартиры Ковальчуков в военной городке. Открыла на звонок Маринка и с порога, не успев поздороваться, стала выкладывать новости.

– Во-первых, мы ни на какой аэродром сегодня не едем. За папой утром рано-рано штабной адъютант примчался – вызывают его куда-то. Папа ничего не сказал, форму надел, собрался и пулей выскочил. Велел радио слушать. А по радио – вообще ничего. Обычные воскресные передачи, даже новостей не передают. А во-вторых, сейчас сказали, что будет важное правительственное сообщение. Но это ещё когда... в двенадцать только... А пока ничего не понятно. Отец запретил нам выходить из дома. Санька надулся и вон в комнате сидит. Ясно только, что мы никуда не едем.

Вышла в прихожую Маринина мама.

«Вот о чём говорят „на ней лица нет“», – подумала Валя. Жена лётчика Ковальчука, красавица Оксана Петровна, нынче походила на тень. Огромные, обычно яркие и улыбочивые карие глаза, казалось, почернели, а смуглое лицо под

тёмными косами, уложенными венцом вокруг головы, было не просто бледным – почти серым.

– Тётя Оксана, что случилось?

– Сама не знаю, ребята. Но что-то очень нехорошее. Идите-ка вы домой да скажите родителям, чтобы в двенадцать радио включили.

Миша и Валя простились и помчались домой.

Пока рассказали маме, что узнали у Ковальчуков, пока стали строить новые планы на выходной, пришёл из *жилконторы*¹³ строгий дядька и велел наклеить на окна полоски бумаги, ткани или бинтов. Объяснил как – по диагонали крест-накрест.

– Что, всё-таки война? – упавшим голосом спросила Анна Николаевна.

– Какая война?! Не сейте панику понапрасну! Велено в профилактических целях. Возможно, будут учения или что... откуда я знаю! Сказано – надо делать.

– Гул такой ночью стоял, будто тяжёлые самолёты летели... И – то ли взрывы, то ли что...

– Говорят же: учения! Первый раз, что ли? Вы паникёрские настроения не разводите, не то доложу куда следует.

Дядька ушёл, а Анна Николаевна взяла свежую утреннюю газету. Пробежала глазами новости: в орденоносном совхозе

---

¹³ Пришёл из *жилконторы* строгий дядька. Жилконторой называли предприятия коммунальной службы по эксплуатации и ремонту жилья, находящегося в собственности города, которые официально в разное время именовались по-разному, но это общее разговорное наименование существовало многие годы.

«Красный» досрочно выполнили полугодовой план, в понедельник воспитанники *евпаторийского детдома для испанских детей*¹⁴ идут в поход по Крыму, для лучших работников предприятий и здравниц города организована поездка на родину товарища Сталина в Гóри – выезд 24 июня; в кинотеатре идёт детский звуковой художественный фильм «Белеет парус одинокий»; в курортном парке начинается запись на курс «Западно-Европейские танцы»...¹⁵ Ни о каких учениях ничего не сообщалось.

– Ну что ж, ребята, давайте сейчас окнами займёмся. Завтра рабочий день – некогда будет.

Анна Николаевна взялась готовить клейстер, Валя с Мишей, вздохнув, что выходной пройдёт за скучным делом, взяли кипу старых газет и сели резать их на полосы.

«Вот вам и воскресенье... – думала девочка. – Столько всего планировали, а теперь непонятно что... и папа на ра-

---

¹⁴ *Евпаторийский детдом для испанских детей*. Летом 1936 года в Испании началась гражданская война, и в 1937–1938 годах из Испании было эвакуировано в разные страны более 34 тысяч детей из семей республиканцев, чтобы спасти их от военных действий. Франция приняла около 20 тыс. человек, Бельгия – около 5 тыс., Великобритания – около 4 тыс., СССР – 2895 человек от 5 до 12 лет. С детьми поехала небольшая группа взрослых в качестве воспитателей. Если в зарубежных странах детей в основном разбирали в семьи, то в СССР для них было создано 15 специальных детских домов со своими школами, где преподавали на испанском языке и учили русский. До сих пор на территории бывшего СССР живёт немало потомков этих детей, хотя многие, когда стало возможно, переехали в Испанию.

¹⁵ В 1930–40-е годы именно так писали: «Западно-Европейские», по современным правилам пишут «западноевропейские».

боте. Закончим с окнами – к бабушке с дедушкой, что ли, съездить». Раньше они жили все вместе: бабушка, дедушка, папа, мама и Валя с Мишкой. Но когда дедушка, паровозный мастер, вышел на пенсию, папины родители перебрались в посёлок под Севастополем – на родину бабушки. Валя любила к ним ездить, и с недавних пор её стали отпускать туда одну. Путешествие на небольшом теплоходике занимало пару часов, а на пристани её встречал дедушка. У них всегда было интересно. Бабушка работала в поселковой библиотеке, дедушка хозяйничал дома и на досуге мастерил игрушки для окрестных ребят. Сейчас, в каникулы, Валя могла остаться там с ночёвкой и вернуться через день-два. Всё это она обдумывала, занимаясь нудной нарезкой полосок, но с мамой решила пока не говорить. Вот закончат – тогда и спросит.

Мишка выходил выбросить мусор и сообщил, что на дальнем углу улицы, где репродуктор на столбе, стоит уже целая толпа. Было почти двенадцать, Анна Николаевна включила радио. Но там ничего не происходило. Шла обычная передача, какие-то вести с полей, музыка. Только в 12:15 в комнату ворвался голос. Не диктора новостей – другой.

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление.

– Мблотов... – полувопросительно и удивлённо сказала мама. Все трое застыли на диване.

С улицы доносился и отдавался эхом между стенами домов тот же голос из репродуктора. Замер трамвай, открыв двери и окна, остановились машины.

Сегодня, в 4 часа утра... без объявления войны германские войска... подвергли бомбёжке. ...Житомир, Киев, Севастополь, Каунас... Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

На слове «Севастополь» все трое дружно ахнули и тут же затихли снова.

*Нарком иностранных дел Молотов*¹⁶ говорил взволнованно, даже нервно, запинаясь, с трудом произнося некоторые слова.

Анна Николаевна слушала, помертвев, и Валя видела, как бледнеет лицо матери с каждой следующей фразой.

...Нападение... несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении...

...дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

«Вот, значит, почему так срочно вызвали на аэродром Маринкиного папу... Уже знали...» – машинально отметила

---

¹⁶ *Нарком иностранных дел Молотов*. Нарком – сокращение от «народный комиссар», глава народного комиссариата какой-либо отрасли – так в СССР до 1946 года назывались министерства. Вячеслав Михайлович Молотов к началу войны был, говоря по-современному, министром иностранных дел, и именно он читал по радио 22 июня 1941 года обращение правительства о начале войны.

про себя Валя.

...Весь наш народ теперь должен быть сплочён и един как никогда... сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии... вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Только отзвучали последние слова наркома иностранных дел, как мимо окон спешно потянулись по улице люди. Кто-то плакал, кто-то о чём-то бурно говорил со спутниками, кто-то бегом мчался прямо по мостовой, обгоняя всех.

– А чего не Сам-то говорил? – услышала Валя через открытое окно обрывок разговора.

– Некогда Самому... – ответил кто-то. – Вишь, беда какая.

– Да выступит ещё небось, попозже сегодня. Надо радио не выключать.

Анна Николаевна с тревогой поглядывала в окно – муж до сих пор не вернулся с работы, хотя дежурил в ночную смену и должен был уже давно прийти. Надо бы в магазины: закупить что-то впрок – кто знает, что впереди. Но ей не хотелось уходить, не дождавшись мужа.

– Миша, Валя, вот возьмите деньги и идите в магазин. Нужно купить соли, спичек, мыла, крупы, какая будет, макарон. Может, война и недолго продлится, но надо хоть какие-то запасы сделать.

Ребята, не споря, собрались и отправились в гастроном. В

городе нарастали паника и суэта. Во всех магазинах образовались длинные очереди, которые увеличивались с каждой минутой. По улицам к военкомату спешили мужчины. Стекались к вокзалу курортники с чемоданами в надежде уехать домой. Когда брат с сестрой дошли до продуктового, очередь уже вылезла далеко за порог на тротуар и тихо гудела. Знакомые и незнакомые люди переговаривались, обсуждали тревожные новости, говорили, что цены на базаре сразу после известия о войне выросли в два раза, что неизвестно, когда всё это закончится... может, даже до самой осени воевать придётся, а потому надо запастись продукты. Постояв некоторое время и поняв, что очередь движется медленно, ребята решили, что можно не стоять на жаре обоим, а менять друг друга. Миша, как старший, решил остаться, а Валя отправилась домой.

Пришёл отец. Мама и Валя бросились к нему, ожидая новостей.

– Фёдор, что теперь будет?

– Ань, ну что будет... Думаю, легко не отделаемся. Гитлер – это не шутки. Я видел Володю Тихонова из радиоредакции. Он ночью на радио дежурил. Говорит, глупейшая ситуация была: им звонят из Севастополя, сообщают, что война, что порт бомбят, он взрывы и вой самолётов даже в телефон слышит, а здешний главный и не знает ничего, и в новости дать не может, звонит в Москву, говорят: «Провокация, не сейте панику». А вот оно как...

– Федя, ты про своих родителей что-то знаешь?

– Связи нет, Аня. Будем ждать, – глухо сказал отец. – Может, подробности какие появятся. Может, Сам выступит. Тогда его речь завтра в газеты сразу пойдёт... Анечка, я в военкомате был, а меня отправили назад. Сказали: пока не призовут – как специалиста важной отрасли. Я в *райком*¹⁷ ходил: я же военнообязанный – как это не призывают?

– И? – дрогнувшим голосом спросила мама.

– А там говорят: до особого распоряжения из типографии не призывать. И журналистов не всех. Некоторым бронь оформляют. Володю вот не взяли. Тоже кипел: не хочет в тылу работать, а ему говорят – сиди пока тут.

– Обедать будешь?

– Некогда, Аня, я снова на работу. Чрезвычайка¹⁸ объявлена. С работы уходить не велено.

– погоди, ты же в ночную дежурил. Ну ладно, редакция работает – понятно, они материалы готовят, а печатать газету всё равно ночью, не раньше... почему же тебе отдохнуть нельзя хоть несколько часов? Подготовка номера – это же не главного инженера работа.

– Аня, – строго сказал Фёдор Иванович, – ну какой отдых?

---

¹⁷ *Райком (горком) партии*. Районный (городской) комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)), позже переименованной в КПСС, – местный орган управления партийной организацией района (города), который на деле и управлял всей жизнью.

¹⁸ Чрезвычайка – чрезвычайное положение, при котором всему руководству необходимо быть на рабочих местах.

Сейчас разберёмся с завтрашним выпуском газет, решу, кто меня замещать будет, и снова в военкомат пойду. И ребята из цехов уже многие в военкомате. Надо им замену искать.

– Ты же не спал всю ночь!

– Ну так что ж... Вот сейчас холодный душ приму – и в типографию. Сделай мне с собой пару бутербродов.

Валя вышла из дома вместе с отцом и направилась к магазину сменить брата. Город преобразился: казалось, все, кто есть, вышли на улицы. На крыльце военкомата стояли два стола, к которым уже выстроились очереди, – здесь вели запись добровольцев. Военные с вещмешками и чемоданами почти бегом двигались в разные стороны: к вокзалу, к военкомату, к лётному городку.

В очереди за продуктами говорили, что курортники неизвестно как будут добираться домой, потому что все поезда уже мобилизуются на отправку военных, все машины строго учтены и тоже будут в первую очередь работать на военные нужды. Говорили, что ночью слышна была бомбёжка Севастополя, что связи с ним нет и как там сейчас – непонятно. С тревогой обсуждали, увезут ли санатории, будет ли эвакуация жителей и куда... «Раз Севастополь бомбили, значит, и до нас недалеко», – громко сказал кто-то. Все ждали выступления Сталина. Говорили, будто кому-то точно известно, что он выступит в четыре часа дня или в шесть вечера... и вот он-то точно скажет, что там на границах происходит и сколько продлится война.

Радио на перекрёстках и в квартирах не выключали ни на минуту, но между выпусками новостей по нему передавали только бравурные песни и военные марши.

Каждый час начинался позывными – первой строкой песни «Широка страна моя родная». Из репродукторов на столбах и из открытых окон разносился по улицам мощный, низкий голос диктора:

Внимание! Внимание! Говорит Москва! Сегодня, двадцать второго июня, в четыре часа утра без объявления войны...

Диктор повторял сокращённое правительственное сообщение, но других новостей о положении в приграничных районах не было. Все надеялись, что вот-вот объявят выступление Сталина.

Очередь двигалась медленно, люди нервничали и ругались. К магазину пришла Анна Николаевна, чтобы отпустить детей, уставших от долгого стояния на жаре. Мать отправила Мишу и Валю домой, строго наказав прийти обратно через час, потому что есть надежда, что тогда до прилавка останется уже немного.

– Нужно быть всем троим: могут ведь в одни руки много не давать, а на троих всё-таки что-то в запас купим.

Когда вернулись домой с покупками, время уже шло к ужину. Анна Николаевна занялась готовкой, а ребята стали раскладывать по местам всё, что удалось купить, – мыло, соль, спички, крупу, макароны, подсолнечное масло.

В восемь вечера пришёл усталый, с запавшими глазами Фёдор Иванович: работавших накануне в ночную смену отпустили домой поспать, но ночью главному инженеру нужно было вернуться в типографию. Пока ужинали, Миша и Валя с тревогой вслушивались в то, что он рассказывал.

В завтрашних газетах будет опубликовано не только выступление Молотова, но и приказы о всеобщей мобилизации военнообязанных с 1905 по 1918 год рождения и о введении военного положения на большей части европейской территории СССР, в том числе – в Крымской АССР. Свежих сводок с фронта пока нет: их, если они будут, поставят в номер в самый последний момент.

Отец ушёл спать, а мать взялась за вечерние дела. Валя видела, что на душе у неё беспокойно. Серые мамины глаза казались слишком большими на осунувшемся лице, наверное, от наполнявшей их тревоги. Пятнадцатилетний Мишка ушёл к друзьям на улицу, а Валю мама не отпустила гулять в сумерках: день беспокойный – мало ли что...

В девять часов по радио зазвучал уже до боли знакомый, низкий, жёстко и холодно произносящий слова голос диктора.

Говорит Москва. Говорит Москва. Сводка Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 года.

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в

течение первой половины дня сдерживались ими. ...После ожесточённых боёв противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в 15 километрах и последнее в 10 километрах от границы).

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населённых пунктов, но всюду встретила решительный отпор...

– А про Севастополь ничего! – с тоской сказала Анна Николаевна. – Порт бомбили... а город? А пригороды? Что там с нашими?

Вышел из спальни хмурый отец.

– Спать не могу. Всё думаю: что с моими? Как узнать? Даже журналисты ничего не знают.

– Федя, ну всё-таки они живут в стороне от военных объектов. Ведь, наверное, бомбят в первую очередь аэродромы, порты. Зачем немцам тратить бомбы на мирные посёлки?

– Твои бы слова – да богу в уши... – мрачно сказал Фёдор Иванович. – Ну, может быть, на радио что-то узнают. Володя обещал позвонить, если что...

Тревожный день прошёл, а Сталин так и не обратился к народу, и это только усиливало общее тяжёлое настроение.

Другая жизнь

Валя вышла из дома вместе с мамой. Она любила приходить в санаторий, где та работала, чтобы помочь ей и другим воспитателям. Со всеми детьми, включая лежачих больных, нужно было заниматься – играть, осваивать школьную программу, читать вслух. Валя с удовольствием во всём этом участвовала: втягивала малышей в игры, старалась, чтобы не скучали лежачие и малоподвижные. Она очень сочувствовала ребятишкам, закованным в корсеты и вынужденным целые дни проводить в кровати или передвигаться на костылях. Костный туберкулёз лечится – Валя уже знала, – но это долго и трудно. Малыши любили, когда приходила дочка Анны Николаевны. С ней было весело и интересно. Она знала много разных игр с карандашом и бумагой, в которые могли играть даже лежачие, а кроме того, хорошо и с удовольствием читала вслух.

Сегодня мама с дочкой шли к санаторию и не узнавали города. Вокруг, как и все эти первые дни войны, царил суёт, но теперь она была какой-то другой. Всё стало собраннее и как-то... жёстче – мысленно подобрала Валя слово. В магазинах уже не было видно очередей: витрины и полки почти пусты. Толпа курортников, в основном с детьми, по-прежнему осаждала вокзал, всё ещё надеясь уехать домой, однако и там почти не было криков и слёз. На крыльце военкомата

стояли всё те же столы, и всё так же тянулась к ним очередь из мужчин, не подлежащих официальному призыву, но желающих уйти на фронт добровольцами.

Из чёрных раструбов уличных репродукторов гремела на весь город новая песня. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» – пел мощный хор, и Валя впервые по-настоящему испугалась. Она вдруг почувствовала: происходящее – не просто плохие новости и тревоги взрослых, это нечто, что сломает их жизнь. Она не отдавала себе отчёта в том, что именно поняла, но ужас от слов «смертный бой» бежал холодом по спине и сковывал ноги. За прошедшие шесть дней она ещё не осознала масштаб беды, но сейчас страх так сильно вдруг накатил на неё, что девочка вцепилась в мамину руку – даже пальцы побелели.

– Что ты, Валюша?

– Я боюсь. Что будет?

Анна Николаевна помолчала.

– Если честно, доча, никто не знает, что будет. Хочется верить, что наша армия способна отбить атаки и загнать *фашистов*¹⁹ обратно. Но, возможно, это и правда будет тяжёлый смертный бой.

---

¹⁹ *Фашисты* – это слово использовалось в СССР применительно к германскому режиму 1933–1945 годов, хотя строго говоря, это неточно. Фашизмом назывался диктаторский режим Б. Муссолини в Италии. Гитлеровский режим в Германии назывался «национал-социализм (нацизм)». Поэтому в тексте романа герои и автор говорят о фашистах, а в комментариях используется точное наименование «нацисты».

– А нам-то что же делать?

– Что мы можем? Вспомни дедушкино любимое выражение. Всегда делай что должно...

– И пусть будет как будет, – тихо подхватила Валя.

– Вот. И мы с тобой сейчас идём делать что должно. Ребятишки в санатории напуганы, у большинства родители далеко, может быть, даже в тех местах, которые бомбили. Мы должны хотя бы на время отвлекать ребят от плохих новостей. И знаешь, какое главное правило воспитателя? Чем спокойнее и увереннее ты выглядишь, тем спокойнее будут чувствовать себя твои подопечные. Все свои страхи и тревоги воспитатели и врачи оставляют за порогом санатория.

– А если не получается?

– Должно получаться. У нас с тобой, дорогая, такая работа, что в душе всегда должна жить улыбка для больного человека. Её нужно достать и надеть, как платье, даже если очень не хочется улыбаться. Потому что больному и беспомощному ещё страшнее, чем тебе. А ты же понимаешь, если он напуган или отчаялся, никакое лечение не поможет.

Они шли вдоль моря по курортной зоне, где почти не ходил транспорт и не так заметна была напряжённая суета города. Негромкий и неспешный этот разговор, шум листвы и ровный шелест тихих морских волн будто говорили о том же, что звучало в маминых словах: спрячь свои тревоги подальше, здесь самое главное – помогать вылечиться. Валя собрала с духом и постаралась до входа в санаторий успокоить-

ся, прогнать страх, поселившийся у неё внутри. В её сумке лежало несколько новых книг, и Валя уже решила, что именно сегодня станет читать малышам.

В субботу вечером (теперь об этом дне будут говорить «перед войной», подумалось Вале) она дочитала новую детскую книжку, которую привёз из Москвы отец, ровно накануне войны вернувшийся из командировки. Книжка была свеженькая, пахнувшая типографской краской и в их городе ещё не продавалась. Она и в Москве только-только вышла из печати, и её подарил Фёдору Ивановичу московский коллега. Называлась книга загадочно – «Марка страны Гонделупы».

Мишка посмеивался, что двенадцатилетняя девочка читает такую детскую книжку. Однако Вале казалось, что история про мальчишек-первоклашек Петрика и Опанаса²⁰, живущих в таком же пёстром и разноязыком городе, как её собственный, придётся по вкусу маминым санаторским подопечным. Поэтому она честно дочитала наивную «малышовку» до конца. Забавная шумная продавщица из повести очень напоминала соседку Титовых – тётю Фиру. Теперь Валя понимала, что именно эта история поможет ребятам отвлечься. И ещё у неё с собой был читанный-перечитанный, но всеми любимый сборник «Сказки зверолова» Бианки.

По маминому примеру Валя постаралась спрятать свой

---

²⁰ Интересно, что повесть С. Могилевской «Марка страны Гонделупы» издавалась потом множество раз, но со временем в ней менялись имена героев и даже некоторые сцены, поэтому те, кто читал книгу в более поздних изданиях, знают героев как Петю и Вовку.

страх и стала думать о том, в какую палату пойдёт сначала и что скажет. В санаторий она входила с улыбкой и, как мама, тепло и спокойно здоровалась с пациентами и сотрудниками.

День в санатории был похож на все довоенные. Валя помогала собирать ходячих малышей на прогулку, читала тем, кто постарше, подолгу болтала с лежачими, вместе с нянечками разносила обед, и взрослые, казалось, сегодня особенно радовались верной помощнице. Ближе к вечеру мама сказала, что должна после смены остаться на важное собрание, и отправила дочку домой, разрешив искупаться и погулять недолго. А потом хорошо бы ей, Вале, заняться ужином: папа придёт уставший, да и у неё самой собрание неизвестно когда закончится.

Успокоившаяся за день и почти забывшая о войне, Валя успела сбегать на дикий пляж искупаться, пройтись от него дальней дорогой до дома, обогнув древнюю мечеть и шлёпая босыми ногами по нагретой солнцем брусчатке, которой вымощен старый город. На улицах происходило странное: люди с вёдрами и кистями красили короткими белыми полосами края тротуаров, углы зданий на поворотах улиц и нижние части фонарных столбов. Увидев знакомую, Валя подошла поздороваться.

– Добрый день! А что это вы делаете, тётя Марьям?

– Здравствуй, здравствуй! Всё-то тебе знать надо, – улыбнулась, разгибая уставшую спину, крупная моложавая скуластая Марьям. – Вот видишь, даже нашу бухгалтерию мо-

билизовали на покраску. Приказ вышел: затемнение будет в городе. Значит, надо, чтобы в темноте люди и машины не натыкались на бордюры и дома. Надо срочно разметить.

Затемнение? Валя не поняла, что это такое. Но не стала больше отвлекать тётю Марьям от работы и побежала домой.

Мишки не было, но на столе лежала записка:

*Ушёл с ребятами по делам. Вернусь часов в 9. Правда
нужно.*

М.

«Что это у него за дела на целый день?» – пожалала плечами Валя, но записку убирать не стала, чтобы мама и папа тоже увидели. Повесив мокрый купальник на верёвку во дворе и заплетя уже почти высохшую после купания косу, Валя принялась чистить картошку.

Южный вечер наступает мгновенно. Казалось, только что было светло, и вот уже тьма. Валя сняла с электроплитки готовую картошку, накрыла кастрюлю двумя полотенцами, чтобы не остывала, и вышла на улицу посмотреть, не идут ли родители. Город был тёмным. Почти совсем. На улицах не зажглись фонари, погасли обычно светившиеся вывески на магазинах. Мимо прогромыхал трамвай, в окнах которого тускло мерцал приглушённый свет, хотя пассажиры там сидели. Фары трамваев и машин были прикрыты сверху чёрными козырьками, так что слабый луч шёл только вниз и еле-еле освещал дорогу. Едва Валя дошла до угла дома, как на неё налетела девушка в белой куртке со светящимся значком

на груди.

– Ты что тут стоишь?! Тебя же не видно совсем! Ой, ну вот ещё одни светомаскировку нарушают!

Девушка бросилась к освещённому окну и принялась стучать по раме.

– Это наше окно, – подошла следом Валя. – А в чём дело?

– Как «в чём дело»? Ты с луны свалилась? Приказ о соблюдении светомаскировки в прифронтовом городе... Не знаешь, что ли? По радио объявляли. А взрослые у тебя дома?

– Не знаю, не слышала. А взрослых нет никого, папа и мама на работе ещё... Ой! – До Вали вдруг дошло, что сказала девушка. – Это мы – прифронтовой город? Как это?

– Как-как... Севастополь бомбили, а мы недалеко. И указ о введении военного положения по всему Крыму сегодня объявили. Вот тебе и прифронтовой... – Девушка на секунду умолкла. Присмотрелась к Вале при свете, падавшем из окна. – А ты не в третьей школе учишься? Я тебя вроде раньше видела.

– Ага, в третьей. Шестой класс закончила. Я тебя тоже видела. Ты вроде в старшей ступени?

– Да, в десятый перешла. Ну вот что. Иди домой да выключи все лампы. По радио приказ ещё будут повторять сегодня. Слушай. А пока сиди в темноте, либо плотно занавесь окно шторами, или одеялом, или чем получится. А взрослые придут, сделаете как положено. Им уже точно сообщили, что

надо делать. Да быстро давай!

Строгая девушка (Наташа – вспомнила вдруг Валя имя этой невысокой, темноволосой, по-модному стриженной девушки) убежала, и уже издали слышалось: «Вас видно, закройте плотнее!»

Ошарашенная Валя побежала домой гасить свет, а в голове, словно частый пульс, бились слова «прифронтовой город, прифронтовой город, при-фрон-то-вой». В темноте пустой квартиры, где гулко и сурово звучала по радио вечерняя сводка с фронта, было тревожно и страшно. Так страшно, что Валу накрыл озноб. Девочка схватила большой мамин платок и, закутавшись в него, забралась с ногами на кровать. Неизвестно, сколько она сидела так, слушая радио и не особенно вникая в то, что оно говорит. Первым пришёл отец.

– Умница, – сказал он, обняв во тьме бросившуюся к нему Валу. – Умница. Свет погасила. Картошкой горячей так вкусно пахнет... Ну что ты... прямо дрожишь вся... Чего испугалась?

– Пап, правда фронт рядом?

– Ну не рядом ещё. Просто военное положение объявлено по всей республике, потому что фашисты бомбили Севастополь. Вот и велют ввести затемнение, чтобы не привлекать внимания самолётов. А мама где?

– На работе ещё. Она сказала, у них после смены какое-то собрание будет и чтобы я шла домой. А то она, наверное, поздно освободится. Сколько может идти собрание? Почему

её нет так долго?

– Собrania бывают и долгими. И потом, в санатории тоже светомаскировка нужна. Кому же её делать? У них ведь дети больные, в темноте их не оставишь.

За разговором отец, всё ещё держа Валю за руку, прошёл в комнату, взял с кровати покрывало и направился в кухню.

– Валюш, кончай бояться. Давай делом займёмся. Найди-ка мне молоток и гвозди. Они в нижнем ящике в прихожей. Только свет не зажигай.

Пока Валя на ощупь искала молоток, отец снял с подоконника горшки с цветами и банки и взгромоздился на подоконник.

– Нашла? Ну молодец. Тащи сюда. – Папа уже приладил покрывало и, постукивая молотком по раме, продолжал: – Сейчас... организуем маскировку... зажжём свет... Занавесочки-то у нас ситцевые... не закрывают ничего... Вот и славно. Включай.

В привычном свете лампы под жёлтым шёлковым абажуром с вышитыми цветами кухня стала родной и уютной. Валя посмотрела на часы. Девять тридцать. Ни мамы, ни Мишки. Отец увидел Мишину записку.

– Не знаешь, что за дела у него?

– Не знаю. Я с ним не виделась. Да и разве он мне скажет?

– А вот, наверное, и он! – Фёдор Иванович обернулся на звук открываемой двери. – Привет, сын! Ты где ходишь? Мы волнуемся.

– Пап, нас днём в училище всех вызвали. Мы светомаскировку обеспечивали.

– В училище-то сейчас зачем маскировка? – спросила Валя. – Занятий же нету!

– Да не в училище. Нас собрали, провели инструктаж и отправили по домам и дворам – помогать тем, кто сам заделать окна не может. Ну там старикам, больным, где дети одни дома. А сейчас ходили смотреть, не светится ли у кого. Теперь будем каждый вечер по своему району проверять. Вон, глядите, плакаты выдали, велели завтра каждому в определённых местах расклеить. – Мишка развернул большой синий плакат с надписью «Свет в окне – помощь врагу!». – И, кстати, я маскировочную бумагу получил. Вы, я смотрю, в кухне-то занавесили окно, а надо ещё в комнатах. Нас научили, как рулон на палку приделывать и к раме крепить, чтобы можно было опускать и поднимать! – Мишка был полон энтузиазма и горд тем, что делает нечто полезное для города.

– Замечательно, что вас тоже привлекли, – серьёзно сказал отец. – Лишние руки сейчас ой как нужны. Давай поужинаем и займёмся комнатами. Глядишь, и мама скоро придёт. Валюш, грей картошку.

Пока Валя подогревала картошку, резала зелёный лук и огурцы, пришла мама – бледная и еле говорящая от усталости. За ужином Анна Николаевна рассказала, что на собрании обсуждали, будет ли эвакуация санаториев и если да, то куда и когда. Выяснилось, что про детей-костнотуберкулёз-

ников пока нет приказа, а про взрослые здравницы уже есть – из них отдыхающих вывозят в глубокий тыл: в Сталинград и в Краснодарский край, чтобы здесь в санаториях разместить госпитали. А после собрания пришлось готовить светомаскировочные шторы, крепить их на рамы, проверять, нет ли щелей.

– Мам, а почему эвакуируют санатории? Это что, здесь бои будут?

– Да нет, доча, до Крыма немцы не дойдут. Севастополь с моря бомбили, но наш-то город – не военный порт. Потому здесь и будут госпитали, чтобы раненых с фронта принимать.

Валя пообещала, что помоеет посуду и уберёт кухню сама, Мишка с отцом взялись мастерить затемнение в комнатах, а измученную Анну Николаевну отправили отдыхать.

Квартира главного инженера типографии Титова была в старом двухэтажном доме, построенном ещё до революции в виде большого квадрата. Окна обеих комнат выходили на улицу, а кухни – во внутренний двор, где, как принято на юге, по всему периметру тянулись балконы. Обычно здесь шла бурная жизнь: перекликались дети, делились новостями и сплетнями женщины, на балконах сушили бельё, вялили рыбу и всякие фрукты-овощи, играли в карты и домино, присматривали за гуляющей внизу малышняй, а в праздники на балкон выставляли патефон и во дворе устраивали танцы. Выход из двора перекрывался коваными решётчатыми воротами с калиткой, и строгий пожилой дворник следил,

чтобы детвора не вылезала без спросу на большую шумную улицу, где ездили машины и ходил трамвай-одноколейка со старинными деревянными вагонами, тоже сохранившимися, наверное, ещё с дореволюционных времён. Сегодня вечером этот двор был тих и пуст. Тьма – хоть глаз выколи – не давала возможности ни ходить по нему, ни видеть, что происходит. Из окон не пробивался ни один лучик света, кухни и комнаты за закрытыми наглухо шторами были полны новых, военных дел и тревожных разговоров.

Около десяти вечера прозвучал по радио последний выпуск новостей, за ним – государственный гимн «Интернационал», и вещание прекратилось, чтобы возобновиться рано утром. Сведений о положении дел в Севастополе в сводках не было.

Наташа. Из дневника²¹

25 июня

Господи, что творится...

Папа собирается на фронт. Мама плачет и говорит, что возраст не призывной и что его близорукие глаза никому на фронте не нужны, и пусть он лучше приносит пользу здесь. Зачем на фронте ветеринарный врач? А здесь, в тылу, он будет очень даже нужен. Но папа упёрся и просится добровольцем. Ему уже один раз отказали – зрение плохое, – а он снова пошёл.

В утренней газете вчерашняя вечерняя сводка за 24-е:

В ответ на двукратный налёт на Севастополь немецких бомбардировщиков с территории Румынии советские бомбардировщики трижды бомбардировали Констанцу и Сулин. Констанца горит.

В ответ на двукратный налёт немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбардировали Данциг, Кёнигсберг, Люблин, Варшаву и произвели большие разрушения военных объектов. Нефтебазы в

---

²¹ Дневник Наташи времён войны написан на основе подлинных дневников жителей оккупированных территорий СССР. Ссылки на источники см. на с. 393.

Варшаве горят.

Ну чего они бомбят за границу?! Лучше бы на свою территорию немцев не пускали! Да, я понимаю, что в Констанце, наверное, румынская нефть и, если разбомбить, это как-то затруднит фашистам снабжение армии, но всё же сейчас надо свою землю защищать, а то чужие города бомбим, а свои отдаём?! И это значит, что Севастополь бомбят каждый день, а вчера даже два раза. И снова бомбят Минск и Киев... Страшно как. И что нам эта Констанца или Данциг?

28 июня

Совсем новая жизнь у нас идёт. На улицах вечерами абсолютно темно. Придётся и к этому привыкать. Мы – старшеклассники – бегаем вечерами по городу и проверяем затемнение. Одиноким старикам помогли его делать. Нас разбили по двое, и за каждой двойкой закреплён квартал. Объясняем, контролируем. Автомобили передвигаются по городу медленно и только со специальными нафарниками.

Папа шутит: раз вагоновожатые трамваев, чтобы никого не задавить, вынуждены буквально прижиматься к лобовым стеклам, то будто стёкла потому так и называются. Темнота вечером такая, что люди на улицах сталкиваются. Я стараюсь ходить в чём-то светлом, но всё равно не очень-то спасает. И вообще страшно ходить по тёмному городу. Вчера у соседки Любы вырвали сумочку, когда она возвращалась с вечерней

смены. А там – документы и деньги. Она, конечно, утром заявление написала в милицию, только думает, что всё равно не найдут никого.

Санатории эвакуируют, чтобы вместо них размещать госпитали. Многие наши девушки пошли на курсы медсестёр. Им хоть и нет 18 лет, но всех 18–19-летних медичек забирают на фронт, а кому-то и здесь работать надо, поэтому тех, кто покрепче и выглядит постарше, берут на курсы и в 16, и в 17 лет. А я с детства боюсь крови, в обморок падаю – какой из меня медик?

Дописываю почти ночью. Сегодня около половины седьмого вечера радиовещание вдруг оборвалось на середине песни и объявили воздушную тревогу. Это ужас такой! Сирена воет, железный голос почти без интонаций объявляет: «Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!», народ выскакивает во дворы, а куда бежать, никто толком не знает. Надо бы разузнать, где у нас какие есть подвалы, бомбоубежища, куда выходить. За прошедшие дни мы ещё не осознали, что у нас это может быть, и оказались не готовы. Сегодня, слава богу, обошлось: самолёты гудели где-то над морем, но до города не дошли. Но вообще – это нехорошая новость. Раз объявляют тревоги, значит, вражеские самолёты близко подходят. А мы-то думали – наш город далеко от фронта.

29 июня

Населению и организациям рекомендовано «отрыть щели для защиты от авиабомб». Выходит, раньше столько говорили о нашей готовности к войне, а теперь, когда война – вот она, выяснилось, что убежищ, например, у нас нет?

Нас утром собирали в школе и объясняли, как нужно рыть щели и какие подвалы годятся для укрытия. Специальные бригады размечают по городу, где бомбоубежища, делают входы в них заметными, рисуют стрелки на домах. А мы теперь ходим днём по окраинам, по частному сектору и посёлкам, где нет городских домов и организованных бомбоубежищ, и проверяем, у кого какие подвалы, объясняем, как рыть щели, чем их закрывать. Конечно, если бомба напрямую попадёт в такую щель, тебя ничего не спасёт, но всё же вероятность погибнуть от осколков или попасть под взрывную волну гораздо меньше.

Разговаривать с людьми с окраин и из деревень трудно. Многие не воспринимают нас, школьников, всерьёз. Старики говорят: ишь, взялась нас учить... мы войну германскую²² прошли, можно подумать, сами не знаем. А на самом деле в

---

²² Германской в Российской империи и в СССР до 1939–1941 годов называли Первую мировую войну. Официально в царской России она называлась Второй Отечественной, а при советской власти – империалистической. Название «Первая мировая» закрепилось в 1940-е годы, когда новую войну назвали Второй мировой.

ту войну ведь не было такой авиации. Откуда они знают, как щели делать? Окопы пожилые мужчины умеют рыть – это верно, но ведь защита от авиабомбы – совсем другое дело.

Все, у кого есть радиоприёмники, обязаны сдать их в течение трёх дней. Папа велел мне завтра отнести наш. Их принимают в указанных точках и выдают квитанцию, по которой, когда всё закончится, обещают вернуть. Официально объясняют, что это защита от возможных шпионов и предателей, а народ считает – чтобы не слушали чего не следует. Люди потихоньку говорят, что наше радио, которое через репродукторы вещает у всех в квартирах и на улицах, не всё сообщает достоверно. Впрочем, у нас всегда много чего говорят, и ерунды тоже много. Кто знает, как там на самом деле.

Дописываю поздно ночью. Сегодня вечером воздушная тревога оказалась настоящей – бомбили город. Говорят, что разрушена товарная станция и склады «Заготзерна» и есть погибшие. Завтра разузнаю. По радио в вечерней сводке только про основные бои на разных направлениях. А про нас – ни слова. Господи, что же будет?

1 июля

Не получается ежедневно писать. Вчера целый день ходили с Машкой Топалу по району, проверяли щели, инструктировали. К концу дня и ноги не ходят, и заговариваться

начинаю. Сколько километров мы прошли по жаре, сколько раз сами брались за лопаты, чтобы помочь, показать, как правильно копать, – сосчитать невозможно. Инструктор по гражданской обороне нам посоветовала ходить не просто по двое, а объединяться по знанию разных языков. В деревнях не все говорят по-русски. Машка знает караимский (редкость! – на нём теперь только старики в сёлах говорят, просто Машин папа историей караимов занимается) и немного – *крымско-татарский*²³, а я – украинский, да и немецкий у меня хоть и неважный, но лучше, чем у неё.

Кстати, вот немецкий сегодня и пригодился. Сегодня ушли совсем далеко – в колхоз «Фройндшафт»²⁴, а там в одном доме старики-евреи. И нет у них больше никого, и по-русски еле-еле говорят, только на идише. Я им объясняю по-русски про подвал, а они не понимают и в дом не пускают – боятся. Кое-как я им на немецком объяснила, что надо посмотреть, есть ли у них подпол или, может, им щель надо рыть... Пустили они нас. Подпол у них неглубокий – не спрячешься. А я теперь думаю: кто им ту щель копать станет? Может, в колхозе и некому ими заниматься. Говорят, была у них дочка, да утонула в море ещё пару лет назад. Меня эта

---

²³ *Крымские татары* – тюркский народ, исторически сформировавшийся в Крыму и Северном Причерноморье ещё в XIII–XVII веках; наряду с караимами и крымчаками крымские татары относятся к коренному населению Крымского полуострова. Подавляющее большинство верующих крымских татар – мусульмане.

²⁴ «Дружба» – на немецком и на идише. В Крыму было много немецких и еврейских поселений и колхозов. Идиш и немецкий язык очень похожи.

мысль про стариков никак не отпускает. Как у них дома всё бедно и убого! Как страшна такая беспомощная старость!

Машка сказала, что вчера провожали чуть ли не весь в полном составе 10 класс второй школы на фронт. И девушки тоже ушли – санитарками или в учебку на какие-то военные специальности. Всё-таки у них полное среднее – можно их лучше использовать, чем рядовыми санитарками. Настроенные у всех было бодрое, но тревожное. Сегодня встретила Костю Василиади. Он тоже рвётся на фронт, но его не берут – ему только-только 17 минуло. Говорит, у них в классе несколько таких парней учились, кто моложе остальных, – они все очень нервничают, что одноклассников уже забрали на фронт, а их – нет.

Немцы всё ещё наступают, и довольно быстро.

7 июля

Обнародован ещё один указ: «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По приговору военного трибунала паникёрам грозит от 2 до 5 лет лагерей.

А как же без тревоги? Сводки с фронтов ужасные. Каждая кончается словами: «После ожесточённых боёв наши войска были вынуждены отступить... оставить...» ...такой-то город, населённый пункт. Как же так?! Что происходит? Неужели они сильнее нас?!

Но ведь всего пару недель назад всюду пели: «Броня крепка, и танки наши быстры». И ещё: «Нас не трогай, и мы не тронем... А затронешь – спуску не дадим!» И много других песен вспоминается... И что, выходит, на самом деле всё не так?

Валя

Из Севастополя

Как любила Валя середину июня, эти первые недели летних каникул! Ощущение свободы и удовольствия от хорошо сданных переводных испытаний, приятная, пока не очень жаркая погода, уже тёплое море, ещё не много отдыхающих в частном секторе (основная толпа появится к концу месяца), но в городе чувствуется курортный настрой.

А ещё Валя любила свой город. Парадную Думскую улицу, всю в красивых старинных особняках, начинающуюся у театра и упирающуюся в море; бывшую Купеческую с её нарядными домами, построенными в самые разные времена, и первым в городе – ещё дореволюционным – кинотеатром; длинную-предлинную улицу Революции, протянувшуюся вдоль моря. Любила старую татарскую часть с кривыми, мощёнными булыжником улочками – идёшь по такой и не знаешь, где и куда она повернёт неожиданно, – с низенькими глинобитными домами под черепичными крышами, чьи стены без окон плавно переходили в глухие заборы. Теперь уже кое-где в них прорезали окна, а по старой традиции, как рассказывала им учительница, в правильном крымско-татарском доме не полагалось, чтобы с улицы было что-то видно.

Все окна – во двор, а двор отгорожен от улицы глухим глинобитным или каменным забором с такой же непроницаемой для взгляда калиткой. Эта загадочность и неразбериха узких кривых улочек, на которых почти не было деревьев – в отличие от прямо расчерченной и очень зелёной, с прозрачными оградями, русской части, – эти старые булыжные мостовые и неожиданно взлетающие вдруг надо всем минареты древней мечети чем-то завораживали Валу.

Она вспомнила, как совсем недавно, в апреле, шла с друзьями из школы после вечернего занятия кружка юных исследователей природы. Валя и Олег интересовались занятиями всерьёз, а Маринка ходила просто за компанию. В тот раз им рассказывали о приближающемся полном солнечном затмении, которое случится 21 сентября этого года. Учитель говорил, что в Крыму его, вероятно, видно не будет, показывал трассу видимости затмения и рассказывал, как люди готовятся к наблюдению и почему это так интересно. На обратном пути ребята всё ещё обсуждали эту тему. Было тепло, домой не хотелось, и они бродили по старому городу, ставшему в густых сумерках таинственным и волшебным. Маринка вдруг подняла голову и посмотрела в небо.

– Вот что значит весна! Смотри, Валь, какие звёзды крупные! Правда кажется, что весной звёзды ближе?

– Ага, красивые. Только мне кажется, что звёзды ближе в августе. Сидишь у моря, и вот они – рядом...

– Если вы не будете смотреть под ноги, – вдруг нудным

голосом сказал Олег, – звёзд станет значительно больше...

Девчонки недоумённо переглянулись, не сразу поняв шутку, но через секунду расхохотались, да так, что Маринка и правда чуть не подвернула ногу.

Валя вспоминала чудесные беззаботные дни и с грустью думала о том, что в этом году её любимое время испорчено. И, возможно, оно уже никогда не будет любимым.

Теперь каждый Валин день начинался и заканчивался, как у всех, сводкой с фронта, а между ними был заполнен всевозможными делами, которые отнимали много сил и времени. Как на работу, ходила она по магазинам. Выстаивала на жаре многочасовые очереди за хлебом, отлавливала изредка появляющиеся в продаже то чулки, то муку, то мыло и тоже долго стояла за ними, подставляя руку сердитым женщинам, которые следили за порядком, – чтобы они записали на ней химическим карандашом номер очереди. Стоять было жарко и очень утомительно. Присесть обычно оказывалось некуда, да и в сторону отойти страшно: вдруг забудут тебя, скажут, что ты здесь не стояла, – подобные перебранки часто вспыхивали в очередях. Люди нервничали, ругались друг с другом, кто-то норовил пролезть вперёд, кто-то не пускал даже тех, кто лишь ненадолго отошёл. Хлеб удавалось купить не каждый день – его всегда было меньше, чем стоящих в очереди. Валя брала с собой книгу и сколько могла читала, но мешали вспыхивающие вокруг разговоры, в которых ей совсем не хотелось участвовать, споры, ссоры из-за места...

Родители целыми днями, а то и ночами пропадали на работе. Мишу со всем его училищем отправили рыть окопы где-то в степи, и он редко приходил даже ночевать. Так что на Вале была и добыча продуктов, и готовка, и уборка дома, и стирка. Только на рынок мама пока Валю одну не отпускала. Да и ходить туда теперь нужно было либо с большими деньгами, либо с вещами, за которые сельчане отдавали свои продукты куда охотнее, чем за деньги. Встречаясь вечерами за ужином, все с тревогой обсуждали новости. Папа рвался на фронт и сердился, что его не берут, мама смотрела на него большими грустными глазами, но не спорила. Вестей от бабушки и бабушки по-прежнему не было, а съездить и узнать, что там с ними, Фёдор Иванович не мог – не отпускали с работы.

Иногда вечерами появлялся усталый, почерневший от загара и земли Мишка. Мылся, ел что было, менял одежду, плюхался в кровать и ни свет ни заря снова отправлялся на окопы. Говорил, что кормят их там неплохо, но воды мало. Обещают заплатить продуктами и деньгами, но пока ещё зарплаты не было. Выходных не дают. Да и какие выходные – некогда, вон каждый день летают немецкие самолёты, и в тихую погоду уже канонаду слышно.

Вчера Валя перестирала все Мишкины вещи, в которых он пришёл с окопов, и постельное бельё на всех. Оттирать забитые песком брезентовые штаны, отжимать тяжёлые простыни и пододеяльники ей было трудно, но девочка решила

до возвращения взрослых это дело не оставлять. Они приходят поздно, усталые, а если сама сделает – к вечеру уже всё высохнет. Бельё было старательно выстирано и хотя выжато не очень сильно, но и правда быстро высохло на жарком июльском солнце, а мама очень хвалила дочку, которая справилась сама. Правда, теперь Валины руки и плечи болят от большой стирки, но она решила, что маме знать об этом не обязательно, – в санатории половина сотрудников ушла на фронт, и оставшимся приходилось браться за всё, работая по полторы-две смены.

Довоенное мыло дома заканчивалось, а в продаже Валя его видела один раз, и ей не досталось. Размышляя, что надо бы спросить у всезнающей тёти Фиры со второго этажа, где можно добыть мыла, Валя шла привычным уже путём – к булочной и гастроному. Навстречу, гремя жёсткими колёсами по брусчатке, двигалась большая деревянная двухколёсная тележка с высокими бортами, которую тянули за оглобли две босые молодые женщины. Сзади шли ещё две постарше, подталкивая повозку и придерживая узлы, наваленные в ней горой. Низко повязанные белые платки, из-под которых всё равно выбивались растрепавшиеся волосы, и запылённые, почти одинаковые по цвету платья делали всех четверых похожими друг на друга. Они шли, глядя только на дорогу, и старались соразмерять друг с другом своё движение. Шагов босых ног почти не было слышно, только стучали по камню колёса да привязанное сбоку ведро нудно по-

звякивало в такт движению.

Одна из старших что-то коротко сказала спутницам, и повозка остановилась. Женщины вытирали потные лица, разминали уставшие плечи. Одна пошла к колонке на углу улицы, умылась, по очереди подставила под струю воды ноги. Другая, увидев Валю, направилась к ней.

– Девочка, ты же местная?

Валя кивнула.

– Не знаешь, нет ли где квартиры, комнаты брошенной? Ну, из которой эвакуировались. Нам бы остановиться тут. Сил больше нет. Может, и работа какая найдётся.

– Не знаю. – Валя задумалась. – Оставленные комнаты сразу занимают. Управдомы ругаются, говорят – не положено, а люди всё равно свою жилплощадь расширяют за счёт уехавших. Я пустых не знаю. Вы издалека?

– От самого Севастополя. Больше недели уже идём. Мы в посёлке у моря жили. Порт бомбили, и нас заодно. На четвёртый день.

– У нас бабушка с дедушкой под Севастополем, – тихо сказала Валя. – И не знаем ничего. – Девочка на секунду замолкла, а потом решительно добавила: – Пойдёмте к нам. Пока отдохнёте, помоетесь, поедите, а папа с мамой вечером придут – наверняка что-то посоветуют. И про жильё они, может, знают, и про работу. Пойдёмте. Тут недалеко.

Женщины тихо поблагодарили и снова впряглись в свою повозку. Мысль, что идти недолго, позволила им собрать по-

следние силы.

Дома Валя помогла разгрузить узлы, чтобы не оставлять в повозке, приготовила всё, чтобы беженки могли помыться, и взялась чистить картошку. Гости дружно запротестовали: как это она будет их кормить, – но Валя сказала, что родители придут неизвестно когда, а она сама ещё не обедала, и им тоже хорошо бы с дороги поесть сейчас.

Женщины сняли запylённые платки, достали чистую одежду и, быстро помывшись, одна за другой выходили на кухню. Первой появилась одна из старших путешественниц. Представилась Зоей и сразу взялась помогать Вале: вынула из какого-то узла и тонко нарезала кусок вяленого мяса и несколько огурцов, за работой расспросила, кто здесь живёт и не будут ли домочадцы ругать Валу, что позвала к себе незнакомых людей.

Смывшие с себя пыль и переодевшиеся гости оказались очень разными. Женщины помоложе – примерно лет тридцати – различались друг от друга во всём. Тонкая, яркая, черноволосая и скуластая Роза и крупная, высокая, белокожая и русая Тамара были, как сказала Роза, «сёстрами по мужьям», то есть жёнами родных братьев. Старшие женщины оказались мамами. Одна – постарше – мамой братьев, тех самых мужей Розы и Тамары, ушедших на фронт. Её звали Шушана, она была маленькой, смуглой, темноглазой и очень стройной, несмотря на то что ей было сильно за шестьдесят. Высокая, зеленоглазая и светлокожая Зоя, с крупными черта-

ми лица и удивительно тонкими аристократичными руками с длинными пальцами, на которые почему-то сразу обратила внимание Валя, с одного взгляда определялась как мать Тамары – так они были похожи.

Валя достала тарелки и приборы, поставила постное масло и соль.

– Извините, хлеба почти нет, а я сегодня не купила.

– Так ты за хлебом шла, когда мы тебя встретили? А чего ж не сказала? Мы бы не пошли к тебе. – Зоя всплеснула руками. – Взрослые ругать станут, что не купила хлеба?

– Да нет, не станут. И потом, всё равно не каждый день удаётся купить. Бывает, стоишь-стоишь полдня, а хлеб кончается.

– У нас есть хлеб, – вступила в разговор Шушана.

– И правда, мы же вчера поменяли в селе. Целых две буханки за ботинки получили. – Роза легко поднялась и пошла в прихожую.

– Не нужно! – воскликнула Валя. – Вы себе оставьте! Неизвестно ведь, как вы дальше устроитесь... а мы здесь всегда живём – добудем ещё.

– Ну уж нет, девочка, – строго сказала Шушана. – Ты вон четверых взрослых посадила за стол, не спросила даже, кто мы и что у нас есть. Неужто мы просто так всё съедим и ничего взамен? Так не делают.

– Возьми хлеб и вот это тоже. – Роза принесла ещё один завернутый в полотенце кусок вяленого мяса. – Не знаю, мо-

жет, вы к такому не привыкли, но всё равно в готовку сгодится и не портится долго. – Она положила в сторонке на кухонный стол обе буханки и мясо и тоже села обедать.

Когда все поели, Валя предложила беженкам отдохнуть до прихода взрослых, может, даже поспать. Но Тамара взялась мыть посуду, а Роза развязала очередной узел, достала тонкое покрывало и две небольшие подушки и, спросив Валу, где можно это постелить, пошла за ней в родительскую спальню. Аккуратно разложив принесённое на большой кровати, она позвала матерей. Женщин, казалось, смутила идея спать на хозяйской постели, они были готовы лечь на полу. Но Валя настойчиво предложила устроиться именно так: на полу не на чем спать, да и комнаты очень маленькие, другим будет неудобно ходить.

Шушана и Зоя и правда скоро уснули, а Тамара и Роза остались на кухне. Тамара молча мыла посуду, а Роза, убирая со стола, рассказала, как уходили они берегом моря, через посёлки и деревни почти от самого Севастополя, когда немецкие самолёты разбомбили половину их посёлка; как кругом горело, как чудом сумели забрать кое-какие вещи, потому что частично уцелел дом, в котором жили Шушана и Роза с мужем, – стёкла и двери повывлетали от взрывной волны, но войти и собрать кое-что всё же удалось. А от Тамариного дома остались только обломки. Налёты на Севастополь шли почти каждый день, иногда не по одному разу. Бомбили в основном порт, но, когда нашим удавалось отбить на-

лёт и отогнать вражеские самолёты, те сбрасывали бомбы на окрестности, стараясь уничтожить жизненно важные объекты: железную дорогу, водокачку, зернохранилище, а заодно и посёлки, возле которых они находились.

– Иди-ка ты, Тамар, в ту комнату, – вдруг сказала Роза. – Там кресло есть, поспи. Ты прошлую ночь не спала совсем. – И она решительно отобрала у невестки таз с посудой и губку.

– Всё равно не усну, – махнула рукой та.

– Иди! – слегка повысила голос Роза. – Никому не надо, чтобы ты загнулась. Себя не жалеешь, подумай, с кем мать оставишь.

– Как вы с ней... строго... – сказала Валя, когда Тамара, понурившись, вышла.

– Выхода у нас нет, девочка. Её сейчас надо заставлять думать о других, иначе она не выживет. Её двойняшки-четырёхлетки в том доме погибли. Тамара на окопах работала, а ребят в детсад не повела – приболели они, сыпь какая-то появилась, нельзя было в группу. Попросила старенькую соседку присмотреть. А тут – налёт. Бомба попала прямиком в дом. Прибежала она – а там одни камни по краям разбросаны и воронка вместо дома. Мы её оттуда еле оттащили. Думали – там и останется умирать. Решили уходить. По дороге Зою из соседнего посёлка забрали. Что ей там одной-то оставаться? Муж у неё умер ещё перед войной. А вместе всяко выживать проще. Да и Тамаре легче будет. Она первые дни вообще как автомат двигалась, будто не понимала, что делает.

Сейчас-то вон видишь – уже разговаривает. Ночами только не спит.

Валя слушала, помертвев. Вот она, война... маленькие близняшки... старая женщина... за что?

– А та бабушка, что с ними сидела?

– Платок её нашли. С плеч, наверное, улетел... и туфельку Анюткину. И всё.

Роза замолкла. Молчала и потрясённая Валя, машинально вытирая чистую посуду.

Тем временем гостья закончила уборку в кухне, аккуратно поставила в угол веник, повесила на спинку стула фартук и села.

– Тётя Роза, – очнулась Валя. – Вы лягте на моей койке, отдохните тоже. А там папа с мамой придут, они точно посоветуют что-то. У нас папа в типографии главный инженер. Его пока на фронт не берут. А мама в детском санатории работает. А Мишка – мой брат, он на окопах в степи. Вы лягте, лягте. Отдыхать надо...

Пока женщины отдыхали, Валя вспомнила, что надо спросить тётю Фиру про мыло, и вышла во двор. Соседки разглядывали стоящую во дворе повозку и гадали, кто бы это мог быть и у кого. Валя коротко объяснила, что это беженцы из Севастополя и они у неё ждут маму и папу, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

– У них дом разбомбило. Дети погибли. Полпосёлка сгорело. Вот они и пошли искать, где можно устроиться жить

и работать.

– Какой посёлок-то?

– Ой, не спросила.

– А что вообще спросила? Документы спросила? – резко высказалась рыжая покрашенная женщина с золочёными кольцами в ушах. – Как ты их вообще в дом пустила? Почём ты знаешь, кто они...

– Да как же не пустить, – удивилась Валя. – Они ж босиком шли, повозку на себе тянули. Видно же, что беженцы.

– Ну ты, девка, даёшь! Совсем без мозгов! Как можно кого попало в дом-то пускать? Мало ли всякой швали тут ходит.

– Да нет, тётя Зин, они не шваль. И ведь война же... помогать друг другу надо.

– То-то и оно, что война, – не унималась сварливая Зинаида, которую за склочный характер звали во дворе Зинка-Заноза. – В войну надо о своих думать, а чужие пусть сами за себя беспокоятся. Что мать с отцом скажут? Не хватало вам чужих в доме! А ну как сопрут что-нибудь и ищи их потом?

– А я таки думаю: шо ж тебя-то забыли спросить? – встряла в разговор тётя Фира. – И шо? Ты таки лучше знаешь? Или у тебя каждый день беженцы? Или ты хоть раз человеку помогла? Ну, кроме себя... да и какой ты человек...

– Ах ты ж... – Зинаида собралась было развернуть скандал во всю мощь, но тут появился пожилой дворник.

– Зинаида, ты это... пыл свой умерь! Не то участкового позову и будет тебе за нагнетание обстановки в военное вре-

мя!

– А что, тут будут водить все кого попало, а я буду молчать?! Может, они шпионы, а девка вон привела, пока родителей нету!

– Шоб ты так жила, как ты всех любишь! – Тётя Фира плюнула соседке под ноги.

– Да я тебе...

– Бабы! Я сказал – уймитесь! Сейчас разберёмся, кто пришёл и куда! И Фёдор Иванович придёт – разберётся. А ты, Зинаида, не ори, не то правда участкового позову.

– Вечер добрый, соседи! Что шумим? Кто меня тут поминует? – Во дворе появился Валин отец и одной улыбкой погасил свару. – С чем я тут должен разобраться?

– У дочери своей спроси, – сердито бросила Зинаида и ушла в дом.

– Валюха! Что-то случилось?

– Пойдём, папа, ты всё поймёшь.

– Ну идём, и мама сейчас подойдёт. Мы вместе пришли, да она вон за тётю Машу языком зацепилась.

– Тётя Маша ведь уезжала куда-то...

– Да, она перед самой войной путёвку в дом отдыха получила от завода. А сейчас пешком пришла из Ялты. Говорит, поездов нет, автобусов нет – всё на военные нужды отдано, вот и шла неделю пешком. Так что у тебя тут случилось?

Основные расспросы и объяснения уже были закончены,

документы, какие есть, предъявлены, хозяева и гости сидели за ужином, а общий разговор с беженками всё продолжался. Фёдор Иванович расспрашивал, что делается в пригородах Севастополя, знают ли они про положение в самом городе.

– Вы, стало быть, из Белой Балки? Что ж они вас-то бомбят? Вроде у вас стратегических объектов нет...

– А вы откуда наш район знаете?

– Часто бывал. Родители у меня в Камышовке. И связи нет. Всё думаю, как узнать, что с ними. Не отпускают меня с работы, чтобы съездить.

– В Камышовке? – осторожно переспросила Зоя. – А кто они?

– Вы знаете Камышовку?

– Это они все из Белой Балки, а я-то как раз в Камышовке жила.

– Папа мой пенсионер, раньше был паровозным мастером, а мама библиотекарем там работает.

– Вот как...

– Вы... что-то знаете?

– Разбомбили нашу Камышовку. Полпосёлка сразу, ту часть, что у водокачки. Марья Гавриловна... она погибла. Я точно знаю.

– Откуда? Вы не ошибаетесь?

– Её весь посёлок знает. Я помогла завалы разбирать... А муж её, можно надеяться, жив. Он же сразу, как война началась, пошёл в депо работать. Молодые в армию уходят, а он,

говорят, мастер – золотые руки. Он и ночевал там частенько, прямо в депо, – до дома-то далеко. Во всяком случае, я среди погибших его не видела. Я железнодорожников многих знаю, его среди погибших не называли. Мы уходили... девять дней назад – он жив был.

Фёдор Иванович сидел, закрыв лицо руками, и молчал. Жена подошла сзади, обняла его, рядом притулилась Валя, взяв отца за руку. Всем было тяжело, и даже мысль, что девушка, возможно, жив, не смягчала этой боли.

Долгое молчание прервал наконец хозяин дома.

– Ну что ж. Буду искать связь с отцом. А сейчас давайте решать ваши дела. Вот что я предлагаю. Пока вы останетесь у нас. Ничего, потеснимся, не возражайте. Это сейчас самое разумное. А с завтрашнего дня начну узнавать, нет ли свободной комнаты и что может быть с работой. Вы где можете работать?

– Я в прошлом медсестра, – откликнулась Зоя. – В первую германскую в санитарном эшелоне работала.

– Простите, сколько же вам лет было? – Хозяева изумлённо смотрели на моложавую гостью, казавшуюся лет на двадцать моложе Шушаны.

– Да почти двадцать три было. – Зоя улыбнулась. – У меня вон и дочке уже под тридцать. Я два года в санитарном поезде отработала. Вместе с мужем. Замуж в десятом году вышла за военного врача. А война началась – я дочку на бабушек в имении оставила и пошла с ним в эшелон. Когда его в

шестнадцатом комиссовали по ранению, мы стали работать в сельской больнице в нашем же имении. Ну а потом революция... это уже неважно. В общем, я всё умею по этой части. Я и сейчас в госпиталь просилась, да пока не было госпиталей поблизости, а в город меня не хотели переводить, говорили. в посёлке нужна. А теперь в посёлке и фельдшерский пункт разбомбило. И штата, кроме меня, не осталось.

– Ну, я думаю, с вашим трудоустройством проблем не будет. Здесь полгорода – госпитали.

– Я тоже в госпиталь гожусь, – подала голос Тамара. – Не медик, правда, но ведь дочь медиков. Много умею, за лежащими больными ходила.

– Вот и отлично. А у вас какие возможности? – обратилась к Розе Анна Николаевна.

– Я вообще-то учитель музыки. И ещё преподавала русский язык *крымчакам*²⁵ на курсах для взрослых. Знаю русский, крымчакский, немецкий. Ах да, ещё я шью хорошо и руками, и на машинке, и любой чёрной работы не боюсь.

– Я тоже много могу, – включилась в разговор Шушана. – И по сельскому хозяйству, и по рукоделию всякому, и в госпитале санитаркой могу, и до революции в лавке у отца работала – весь учёт вела.

---

²⁵ *Крымчаки* – также один из коренных народов Крыма. Считается, что крымчаки происходят от древнейшего еврейского населения полуострова. Как особая нация сформировалась в XIV–XVI веках. Исповедуют иудаизм, но говорят на крымчакском диалекте крымско-татарского языка, который относится к тюркской языковой группе.

– Отлично. – Фёдор Иванович встал из-за стола. – Давайте размещаться и спать, а завтра займёмся устройством всех дел.

Квартира Титовых формально состояла из одной большой комнаты в два окна и кухни. Когда подросли дети, комнату разгородили на две маленькие – получилось гораздо удобнее. Теперь было решено, что Валя перебирается в комнату к родителям на раскладушку, а Мишке, когда он будет приходить, станут стелить матрас в кухне на полу.

Беженцев разместили в детской. Шушану и Зою уложили на ребячьи кровати, а Розе и Тамаре соорудили два спальных места на полу. Ходить стало негде, но сейчас это было неважно.

– Днём матрасы можно скатывать и класть на кровать, тогда по комнате будет вполне удобно ходить. Ничего, обживёмся, – говорила Анна Николаевна, помогая стелить постели.

– Да что вы, я надеюсь, мы долго вас обременять не будем, – смущённо сказала Зоя. – Может быть, завтра-послезавтра уже найдём что-то.

– Так, уважаемые дамы, – подал голос отец, – давайте-ка прекратим разговоры на тему, кто кого обременяет, это дело бессмысленное. Есть данность: война. Есть две семьи и две комнаты. Значит, мы занимаемся решением текущих задач, а не реверансами. Сейчас текущая задача – спать. Остальное – завтра! Спокойной всем ночи!

Наташа. Из дневника

18 июля

Уже почти две недели каждый день ходим в степь рыть окопы и строить оборонительные сооружения. Кто подальше работает, остаётся ночевать прямо там, но наш край ближе к городу, и я стараюсь домой приходиться. Хоть помыться и поспать на удобной кровати. Ухожу в степь на рассвете, прихожу затемно. Жара, пыль, руки болят, лицо и спина аж горят. Сегодня Маша Топалу упала в обморок. Забыла платок повязать и работала с непокрытой головой. С её-то чёрными волосами. В степи гораздо жарче, чем у моря. И воды мало. Попить берём с собой, а полить на голову или умыться лишней раз – нельзя, столько воды там нет. Сплю по ночам с кошмарами. Если сплю. Но иногда кажется: сейчас только дойти бы до кровати, упадёшь и уснёшь, – а на самом деле падаешь в кровать и уснуть не можешь. Мама говорит – это бессонница от чрезмерной усталости.

Она теперь работает в госпитале. Ванюшку не с кем оставить, мама его с собой берёт. Он весёлый, общительный. В подсобке не сидит, всё норовит в палаты уйти. Его и бойцы любят, и даже в командирские палаты охотно пускают. Только я боюсь: посмотрится он там всякого ужаса. Что с ним по-

том будет? А мама говорит: ничего страшного. Он пока мало понимает – почему у раненых что-то забинтовано или ноги-руки нету. Думает, что это само собой, потому что люди разные. Мама говорит, что для малышей лет двух-трёх это нормальное восприятие мира. А я и сама боюсь, и считаю, что так можно ребёнку психику испортить.

Нет, если у меня когда-нибудь будут свои дети, ни за что им не стану показывать раненых, увечных. Вчера я это вслух сказала, а мама со мной не согласилась. Говорит: Ванюшка подрастёт, и этот опыт воспитает в нём умение сострадать. А всё же я с ней не согласна. Зачем обязательно показывать человеку плохие стороны жизни? Может, счастливое детство – это как раз когда человек не знает ни горя, ни бед, ни своих, ни чужих?

На фронте появилось Смоленское направление. Скверная новость.

25 июля

Из вечерней сводки:

25 июля утром в районах, прилегающих к Москве, появилось 6 немецких самолётов, из коих 5 было уничтожено нашими истребителями. В ночь с 23 на 24 июля, по уточнённым данным, при налёте немецкой авиации на Москву сбито 5 немецких самолётов.

Что??! Они уже бомбят МОСКВУ?! Это что же делается?

Господи, кошмар какой!

15 августа

Приказ о мобилизации военнообязанных 1895–1904 г. р. и призывников 1922–1923 г. р., проживающих на терр. Крымской АССР. Это значит, что и папа подлежит призыву! Он же 1900 года. Хотя нет, его не должны призвать – у него зрение плохое. Это что же, у нас здесь всё так плохо, что надо забирать людей старше 40 лет?

18 августа

Немцы заняли Смоленск, они уже в четырёхстах километрах от Москвы. Вчера папа обсуждал новости с товарищем, с которым они уже давно *на почве шахмат сдружились*²⁶, а мама на него шикала, чтобы не говорил так громко. Когда он совсем разошёлся, мама захлопнула окно, чтобы не было слышно во дворе. А папа говорил примерно так: «Вот результаты нашего словоблудия, нашей шапкозакидательской

---

²⁶ *На почве шахмат сдружились*. В СССР шахматы были невероятно популярны. Создавалось множество клубов и кружков любителей этой игры, проводились соревнования всех уровней, начиная чуть ли не от дворовых. В городах можно было в любом парке, маленьком сквере, во дворе наблюдать, как, устроившись на скамейке, сражались шахматисты-любители, а вокруг стояли болельщики: переживали, комментировали, разбирали партии, играли по очереди и на выбывание.

пропаганды и так называемого патриотизма. Вбивали всем в головы, что *броня крепка... и врагу никогда...*²⁷ А на деле? Воевать не умеем?! Скоро и нам придётся в темпе перебираться на восток. Если успеем. Мальчишек призывают! Школьников! А меня не берут, говорят: куда со зрением минус четыре. Ну скажи, Сергеич, я что, в очках хуже воевать стану? Или коней лечить не смогу? Очки бьются, да! Ну так я очков могу сейчас назаказывать, чтобы на всю войну хватило».

Мама сердится и ругает папу, что он *«договорится до Колымы»*²⁸. Я тоже опасаясь. Они с Петром Сергеичем как соберутся, так того и гляди что-нибудь не то скажут. Будто не знают, что тоже под борьбу с вредителями попасть могут. Как мальчишки, ей-богу.

---

²⁷ *Броня крепка... и врагу никогда...* Отец Наташи ссылается сразу на две очень известные в СССР песни, которые упоминают и другие герои. «Марш советских танкистов» – песня, написанная в 1938 году (музыка братьев Покрасс, стихи Б. Ласкина). Она начиналась словами «Броня крепка, и танки наши быстры». Вторая – «Марш трактористов» (1937, музыка И. Дунаевского, стихи В. Лебедева-Кумача). В ней были такие слова: «Наша поступь тверда, / И врагу никогда / Не гулять по республикам нашим!» Обе песни часто передавали по радио и обязательно разучивали в школах.

²⁸ *«Договорится до Колымы»*. Имеется в виду не сама по себе река Колыма в Якутии и Магаданской области, а в целом Колымский край, в котором, особенно в годы сталинских репрессий, было огромное количество исправительно-трудовых лагерей, куда отправляли осуждённых по политическим статьям. Колымские лагеря славились особой жестокостью, поскольку в тех местах очень суровый климат и особенно тяжёлые условия жизни и труда заключённых. Слово *Колыма* быстро стало обобщающим применительно к арестам и репрессиям.

У нас здесь всё в порядке, только настроение у меня, как и у большинства, очень подавленное. Все ждут неизвестно чего, но точно плохого – то ли эвакуации, то ли уже фашистов. И новости по радио – одна другой хуже. С продуктами полное безобразие. Дикие очереди, люди стоят часами, а в очередях то склоки, то драки, то обмороки на жаре. Работавшим вообще никак не купить ничего – к вечеру нигде ничего нет. Чёрный рынок процветает. Деньги уже совсем брать не хотят – только вещи. Похоже, что нередко продают продукты, утащенные из магазинов. А милиция будто и не видит. С другой стороны, понятно же... людям надо выживать. На окопах за июль заплатили часть зарплаты деньгами, а часть – продуктами. Говорят, на той неделе дадут за первую половину августа тоже так. Это хорошо бы. Окопные работы закончатся, буду думать, куда пойду работать.

23 августа

Пётр Сергеич принёс сегодняшнюю газету «Красная звезда». В ней большая статья «Двухмесячные итоги войны». [В дневник вклеены вырезки из газеты с фрагментами статьи.]

Немецкая пропаганда называет такие фантастические цифры наших потерь: 14 000 танков, 14 000 орудий, 11 000 самолётов, 5 миллионов солдат, из них более миллиона пленных. Это такая глупая брехня, в которую, разумеется, ни один человек,

имеющий голову на плечах, не поверит. Назначение этой брехни весьма определённое: скрыть огромные потери немецких войск, замазать крах хвастливых планов о молниеносном уничтожении Красной Армии, любыми средствами обмануть немецкий народ и ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

На самом деле мы имели за истекший период следующие потери.

В ожесточённых и непрерывных двухмесячных боях Красная Армия потеряла убитыми 150 тыс., ранеными 440 тыс., пропавшими без вести 110 тыс. человек, а всего 700 тысяч человек, 5500 танков, 7500 орудий, 4500 самолётов.

Героически сражаясь против коварного и жестокого врага, Красная Армия развеяла легенду о непобедимости германских войск и опрокинула все расчёты германского командования.

...

Таким образом, два месяца военных действий между фашистской Германией и Советским Союзом показали:

1. что гитлеровский план покончить с Красной Армией в 5–6 недель провалился. Теперь уже очевидно, что преступная война, начатая кровавым фашизмом, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма;

2. что потеря нами ряда областей и городов является серьёзной, но не имеющей решающего значения для дальнейшей борьбы с противником до полного его разгрома;

3. что в то время, когда людские резервы Германии иссякают, её международное положение изо дня в день ухудшается, силы Красной Армии неуклонно возрастают, а Советский Союз приобретает новых могущественных союзников и друзей.

Папа говорит, что и то и другое – враньё, что нужно уметь читать между строк и анализировать информацию. Наверное, он прав и каждая сторона хочет лучше выглядеть, чтобы поддерживать моральный дух своего народа. Но всё-таки мне очень трудно не верить тому, что пишут наши газеты. Мы привыкли, что в Советской стране не обманывают трудящихся. Разве не так? А с другой стороны, если посмотреть на карту и увидеть оставленные нашими войсками города... это ужас какой-то. Как же «силы Красной Армии возрастают», если она всё время отступает?! Чему верить?

Если предположить, что врут и немецкие сводки, и наши, как папа говорит, то получается, что правда где-то посередине. Выходит, пару миллионов человек мы уже потеряли?! За два месяца? Что же нас ждёт? Когда наша армия хотя бы остановится и перестанет бежать? Господи, страшно как.

24 августа

На фронте дела неважные: немцы взяли Николаев, Кривой Рог, Первомайск и Кировоград. Сегодня в центральных газетах опубликовано обращение к жителям Ленинграда с

призывом всем встать на защиту города. Неужели сдадут и Ленинград?

Говорят, учебный год начнётся у нас как обычно. Во всяком случае, в школе висит объявление о наборе в 1 класс. В городе довольно много детей, хотя была эвакуация. Кто-то не смог уехать по семейным причинам, чьи-то организации не эвакуировали, и они работают, а родители не захотели отправлять детей одних. (Например, трикотажная фабрика перешла на выпуск военного обмундирования.) Для тех, кто не эвакуировался, и для беженцев висит список документов для зачисления в школу. Вроде всё как раньше.

Нужно только понять, сможем ли мы платить за 10 класс. Ведь никто не отменял плату за обучение. Надо уточнить в школе, а потом спрошу родителей.

28 августа

Я уже несколько дней в ужасе от новости, которую узнала недавно. Даже в дневник не смогла сразу написать. На днях мне дали выходной, только потому, что растянула связки на руке. Я пошла в слободку к Ольге Цорн – узнать, кто где из наших. Надеялась повидать ещё и Сашку Файлерта, а то с этими окопами ни о ком ничего не знаю. А там... нет никого из них. Пустые дома стоят, двери хлопают, собаки беспризорные бродят. Соседи говорят: всех немцев в 24 часа вывезли. Неизвестно куда. Якобы в эвакуацию, но что за выбороч-

ная эвакуация – непонятно. По городу ходят слухи, что по всему Крыму чуть не 50 тысяч немцев выселили. Я не знаю, сколько их в других районах, а у нас-то их много. Особенно в сельском хозяйстве. И в городе тоже. В нашем классе семь человек было. И никаких известий, куда вывезли. Почему так срочно?

Сегодня спросила дядю Серёжу, который в милиции служит. А он говорит: «Меньше знаешь – крепче спишь. Эвакуировали их, а куда – не приказано сообщать по стратегическим соображениям». Спрашиваю, как же им писать-то теперь, куда? А он мне: «И не думай даже. И вообще, чем меньше ты про это будешь спрашивать, тем лучше будет тебе и семье».

Я, конечно, понимаю, что на нас напала Германия... но наши-то немцы тут при чём? Они здесь 150 лет живут. Им тот Гитлер низачем не сдался. Как-то мне плохо от этих новостей, даже больше, чем от войны. Свои же... не враги.

18 сентября

Всё-таки я не учусь. Мама работает одна, папа уже больше двух недель как на фронте... куда тут ещё платить за обучение. Мне, конечно, очень жаль, что многие пошли в школу, а я нет. И ведь всего один год остался. Но я сама предложила. Я же вижу, как мама выматывается на работе, да и Ванька ещё маленький – тоже забот требует. Лучше уж буду ра-

ботать. А когда война закончится, вот тогда и пойду доучиваться.

Долго думала, что я могу делать, где работать. Тётя Лида предложила идти на трикотажную фабрику. Но я ведь ничего не умею. Я боялась, а тётя Лида говорит: за спрос денег не берут. Сходи – узнай. Ну я набралась храбрости и пошла в отдел кадров. Там строгий такой дядечка, пожилой, *с усами, как у Будённого*²⁹, долго меня расспрашивал, кто я, откуда, чем занималась, почему хочу работать. И предложил идти ученицей учётчицы. Принимать готовую продукцию, считать выработку сотрудников. Сказал: месяц в ученицах похожу, а там можно на свой участок встать. Самостоятельно то есть. Уже прошла половина месяца.

Конечно, работа несложная, но напряжённая, и нужно быть очень внимательной. А я на днях чуть не записала выработку не той бригаде – клеточки в ведомости перепутала. Рабочие заметили и ругались очень. Рабочие у нас тоже в основном женщины или пожилые мужчины, кто на фронт не может идти. Мальчишки ещё есть из ФЗУ. Иные – совсем маленькие, семи классов не закончили. А наставница моя – Катерина – этим тёткам сердитым и говорит: «Вам не совестно так ругаться? Девчонка могла бы и не работать, закон позволяет. Бегала бы себе в школу. А она работать пришла,

---

²⁹ *С усами как у Будённого.* Семён Михайлович Будённый – советский военачальник, один из первых маршалов Советского Союза. Всю жизнь носил длинные пышные усы, торчащие в стороны. Портреты Будённого были тогда везде, даже в школьных учебниках, и его знал в лицо каждый школьник.

для фронта. Вы небось когда учились, тоже не одну деталь заporоли. Научитесь. И будет не хуже других». И мне: «А ты не робей, девочка. Много их тут горластых, да ты не думай – не злые они. Просто уставшие уже все». А они и правда не злые. И правда – уставшие очень. Смены длинные, по 10 часов. Переналадка станков на новую, военную продукцию идёт туго, а план уже требуют полный. А станки старые. Пока один наладят – на другом что-то полетело.

Я думала, это нетрудная работа. Принимай себе готовые изделия, учитывай, ведомость заполняй... Но за полную смену очень устаю, даже если она дневная. А когда сама стану работать, без наставницы, придётся же и в ночные смены выходить. Как буду справляться? Сейчас бывает, по ночам снится какая-то причудливая продукция, какая-то очередь и что я пишу, пишу бесконечно длинную ведомость, а продукция не кончается. Когда-то так виноград снился, когда от школы ездили в совхоз на уборку урожая. Весь день гроздьё срезает, а потом глаза закроешь – всё его видишь. А теперь вот – то носки солдатские тысячами, то шарфы серые или ещё что-то такое.

Немцы замкнули кольцо вокруг Ленинграда, и наши уже 10 дней не могут его прорвать.

28 сентября

Весь сентябрь воздушные тревоги объявляются чуть не

каждый день, но город почти не бомбят, в основном самолёты пролетают в сторону Севастополя или в сторону моря.

Но сегодня ночью тревога была с 2:00 до 6:00. Бомбили аэродром и ж. д. – пассажирскую и товарную станции. 8–10 заходов самолётов, по несколько штук сразу. Звук их моторов страшный – на одной ноте и выматывающий душу. Ночью почти не спали, и я потом на работе еле-еле день выдержала. Катерина за мной чуть не каждый шаг проверяла: видела, что у меня глаза закрываются. А потом после смены сказала, что сама-то с полуночи до утра вообще дежурила на крыше фабрики на случай, если зажигательные бомбы бросать будут. Железные у нас женщины. Буду ли я когда-нибудь такой же сильной? Пока я на их фоне чувствую себя маменькиной дочкой: то мне трудно, то я устала. Стыдно. Уже 17 лет через неделю.

В газетах указ. С 1 октября карточки на хлеб, сахар и кондитерку вводятся во всех городах и рабочих посёлках Крымской АССР, в некоторых областях Центральной России и даже в Казахстане. Наверное, это, с одной стороны, неплохо: хоть что-то можно будет получать без боёв и очередей. С другой стороны, это означает, что положение с продуктами аховое и никто не ждёт улучшения и, видимо, война будет долгой. Но с остальным всё равно беда. Хорошо хоть, я обедаю в фабричной столовой по талонам. А маму в госпитале кормят. И Ванюшке перепадает.

Всё время вспоминаю Сашку Файлерта. Ну то есть и Олю

Цорн, и других немцев, конечно, тоже, но больше Сашку. Уже месяц как их всех вывезли. Где он? Что с ними со всеми? И не спросишь никого. Да и кто знает? Вот когда я поняла, насколько мне Сашки не хватает.

В глубине души живёт ощущение какого-то предательства... не знаю точно – чьего, по отношению к своим советским гражданам. Это возникло после выселения наших немцев, а теперь кажется, что ко всем нам относится. Война затягивается, и уже везде тихонько говорят, что быстрой победы не будет. А как же столько лет нас убеждали, что мы отразим любое нападение, что Красная Армия – самая лучшая? Первые месяцы об этом было некогда думать: паника, окопы, новая работа на фабрике. А теперь я всё больше ловлю себя на этой мысли о предательстве. Ломает нас война.

Валя

Конец октября 1941

Тихий город

Возле домов лётного городка, где жили семьи военных лётчиков и аэродромных техников, стояли несколько крытых грузовиков, а красноармейцы, оцепив квартал, не пускали туда посторонних. Валя обещала вечером зайти к Маринке – вместе готовиться к контрольной по математике – и теперь не понимала, что происходит, почему нельзя пройти.

– Иди, иди, девочка, – сказал ей немолодой боец. – Сейчас не время. Увидишь свою подружку позже.

На следующее утро Валя вышла из дома пораньше – сделать крюк по дороге в школу и зайти за Маринкой. Надо же спросить, что это вчера было. Странная тишина стояла и в городе, и в степи, откуда до этого много дней доносилась глухая канонада и гул самолётов. Дверь подъезда двухэтажного дома, где жила Марина, хлопала на ветру и почему-то никак не могла закрыться до конца. Во дворе валялись обрывки бумаги и коробок, лопнувший багажный ремень... Валя взбежала по лестнице и позвонила в дверь квартиры. Тиши-

на. Ещё звонок. Тишина. И вдруг Валя поняла, что дом пуст. Никто не выходит из квартир, не слышно голосов, не пахнет готовящейся едой... Что это? Куда все делись? Аккуратно сложенный листочек валялся на коврике у двери. Валя подняла. Похоже, записка. Видимо, была вставлена в щель у косяка, но выскользнула. Девочка поколебалась, открывать ли чужую записку. Но вдруг что-то важное? «Вале Титовой». Ей. Красивый Маринин почерк, но буквы спешат и натываются друг на друга.

Валюха! Мы срочно уезжаем. Говорят папу куда-то переводят! Не знаем куда и на сколько. Может, на совсем, а может, на время. Напишу тебе, как буду знать. Не забывай меня!

Марина

Так и путает слитно-раздельно, машинально отметила Валя. Вон «насовсем» неправильно написала и запятые потеряла.

Ну что ж, придётся ждать письма. Маринин папа – лётчик, в стране идёт война. Неудивительно, что переводят. Только почему вчера военное оцепление у домов стояло? Не военный же объект – просто семьи... И отчего такая спешка? Ну улетели лётчики... А почему семьи тоже переводят, и так срочно? Жаль, что лучшей подружки теперь не будет рядом. Интересно, Тамара Георгиевна знает? Размышляя, надо ли найти до уроков классную руководительницу или ей сообщили вчера Маринины родители, Валя шла к школе.

На площади возле *райкома партии*³⁰ озабоченные люди таскали в крытый грузовик опечатанные полосками бумаги коробки. За оградой на газоне что-то горело в железной бочке, и от порывов ветра густо летали над площадью пепел и куски недогоревших бумаг. Эта серая метель, запах дыма, тишина в степи и негромкая, но какая-то заполошная суэта здесь, на площади, вызывали тревогу и холодный гнетущий страх.

В школе учителя, тоже встревоженные и напряжённые, встречали ребят в вестибюле.

– Сегодня уроков не будет, – сказала Тамара Георгиевна. – Идите-ка вы по домам. Да не болтайте по улицам – сразу домой! Как только станет что-то ясно, мы всех известим.

– Немцы близко? – спросила девушка постарше.

– Катя, откуда мы знаем... пока ничего не сообщали, – устало ответила учительница. – Вон какие бои шли на перешейке. Какая канонада гремела. А теперь – тихо. То ли немцев отогнали, то ли наши отступили. Выясним.

«...Ну да, – подумала Валя. – Отогнали, как же... С чего тогда райком уезжает, да ещё бумаги жжёт?»

Она кивнула классной и помчалась домой – предупредить своих. Небось Мишкино училище тоже отпустили. Надо, чтобы мама не велела Мишке на улицу уходить.

---

³⁰ *Райком (горком) партии*. Районный (городской) комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)), позже переименованной в КПСС, – местный орган управления партийной организацией района (города), который на деле и управлял всей жизнью.

Город сдали. Без боя. Никто ничего официально не объявлял, но к середине дня все уже знали, что авиачасть, стоявшая на окраине в степи, снялась этой ночью и покинула аэродром. Семьи командного состава спешно эвакуировали, райкомовских – тоже. На двери *горсовета*³¹ – замок.

Странная давящая тишина наступила в городе. Казалось, люди даже говорить стали тише. Закрытые магазины, запертые двери горсовета, райкома партии и военкомата, дым от костров и запах остывшего бумажного пепла, который ветер разносил по улицам... Что-то увозят из разных мест крытые грузовики. Звук их моторов, кажется, единственное, что нарушает эту зловещую тишь. Валя никак не могла сообразить, что ещё так необычно вокруг. Перебегая улицу, чтобы выбросить мусор, она запнулась о трамвайный рельс. И вдруг поняла. Вот что не так! Не видно трамваев! Девочка перевела взгляд на павильон трамвайной остановки: людей там не было. Казалось, горожане и не ждут транспорта – редкие прохожие идут по улицам торопливо и молча.

Столб чёрного дыма, поднявшийся на окраине, заставил

---

³¹ *Горсовет* – городской Совет депутатов трудящихся, представительный орган исполнительной власти, в который депутаты, по идее, избирались населением. На самом деле в то время выборы были безальтернативными и горсовет имел в городе меньше власти, чем горком или райком партии.

Валю замереть, а потом помчаться туда. Она только успела крикнуть брату, что пожар возле маминой работы.

Горело зернохранилище, куда всё лето свозили урожай из окрестных колхозов. Пока Валя с Мишей добежали до места пожара, там добровольцы уже тушили огонь: передавали по цепочке вёдра с водой, разматывали шланги, откручивали тугой пожарный кран... Крики, чьи-то команды, гул и треск огня, топот по мощённому булыжником двору... Брат с сестрой не сговариваясь встали в цепочку передающих вёдра. Густой дым щипал глаза, и чем больше заливали огонь, тем плотнее становилась эта едкая пелена. Валя не понимала, сколько времени они уже провели среди гари и дыма – то ли много часов, то ли десять минут, – ей казалось, что руки и плечи сейчас отвалятся от тяжести вёдер и скорости, с которой их передавали. Одно ведро вырвалось у неё из рук, залило юбку, ноги, со звоном покатило по булыжнику...

– Так, а вы что тут делаете? – Суровый седой мужчина подбежал к Вале и Мише. – Кто позволил вам сюда лезть?! Это взрослое дело! А ну домой!

– Здравсьте, Пётр Сергеич, – задыхаясь, проговорил Мишка. – Как все, вот...

Только сейчас Валя сообразила, что этот чумазый немолодой человек в закопчённой рубаше, которого она не сразу узнала, – начальник печатного цеха из папиной типографии. Он бывал у них дома до войны – заходил к отцу.

Пётр Сергеевич вытащил ребят из цепочки.

– Хотите, чтобы мать с ума сходила? Она знает, где вы?

– Мама на работе. Мы сначала испугались, что у них горит, в санатории.

– Марш тогда к матери!

– Мы тоже помогаем, Пётр Сергеич! Валька пусть уходит, а я сильный, я останусь. – Мишка упрямо смотрел на мужчину.

– Не спорь! Забирай сестру и марш к матери! И чтоб ни ногой сюда!

* * *

– Где я вам возьму пассажирский состав?! – надорванным голосом кричал начальник станции пожилому доктору Василиади. – Нет у меня составов! Завод уехал, трикотажная фабрика уехала, райком уехал... Военный санаторий эвакуировали вчера. Вон товарняк с платформами остался! И то его вот-вот заберут. Надо вам товарняк?

Детский туберкулёзный санаторий нужно было спешно эвакуировать. Анна Николаевна, посланная на очередные переговоры вместе с главным врачом, исчерпала уже, кажется, все аргументы и варианты.

– А куда вернётся состав, который фабрику увозил?

– Издеваетесь?! Кто его вернёт? Бригада, по-вашему, – самоубийцы? Город сдан. Что на перешейке – вообще неизвестно, может, там уже и дороги никакой нет.

– Вы коммунист или нет? Вы понимаете, что это больные дети? Их спасать надо!

– При чём тут коммунист – не коммунист? Мой партбилет вагоны вам, что ли, достанет?! Машинами надо вывозить, к Тамани, если там путь ещё свободен.

После часа попыток найти состав Анна Николаевна махнула рукой и предложила вернуться в город искать другой транспорт.

Для ходячих больных нашлись автобусы. Их отдал начальник городской автоколонны.

– Ничего, люди по городу и пешком ходят. А если будет свободна дорога – глядишь, вернутся водители.

Оставалось решить вопрос с лежачими. Анна Николаевна вместе с доктором пошла в типографию, где до ухода на фронт работал главным инженером её муж, и строго велела единственному нашедшемуся работнику открыть гараж. Там и правда стояли два крытых грузовика, но бензина почти не было.

– А вы думаете, чего они тут стоят? Того и стоят, что ехать не на чем, – бубнил седой угрюмый дядька, то ли сторож, то ли завхоз.

– А водители где?

– Дома, наверное, где им быть. Они ж у нас возраста-то непризывного. Петровичу вон семьдесят скоро.

Анна Николаевна бросилась разыскивать водителей.

– Водить умеете? Поехали на заправку, – скомандовал

главный врач сторожу. – До заправки дотянем?

– Да как же... Кто ж нам бензин-то отпустит? Ведь нету начальства...

– Под мою ответственность, – жёстко сказал врач. – Вы же понимаете, что нужно срочно?

– Не знаю, не знаю... – пыхтел сторож, забираясь в машину. – А только я далеко не поеду – я плохой шофёр, прав не имею.

– До заправки доедете! – повысил голос доктор. – А потом решим.

Когда Анна Николаевна примчалась с двумя водителями, машины уже были заправлены, а доктор Василиади писал поникшему то-ли-сторожу-то-ли-завхозу бумагу, что он своей властью конфисковал в интересах больных детей два грузовика. «С водителями», – подумав, приписал Георгий Дионисович и тщательно вывел внизу: «Главный врач детского туберкулёзного санатория Г. Д. Василиади. 28 октября 1941 г.»

* * *

В машинах уехали только больные дети и сопровождающие медики. Старший воспитатель Анна Николаевна осталась в городе и после отъезда последних пациентов собиралась домой. Да и куда бы она поехала без Миши и Вали? Машин для других сотрудников и членов их семей не было. Занятая с утра поисками транспорта, погрузкой лежащих детей

и отправкой автобусов, женщина не сразу поняла, что это за дым стелется по улицам. А когда поняла, ахнула, бросилась к зернохранилищу, и чуть ли не первым, кого увидела, был её собственный сын, разговаривающий с коллегой её мужа – Петром Сергеевичем. Рядом стояла, уронив руки, мокрая и совершенно вымотанная Валя с покрасневшими от дыма глазами и растрёпанной косой.

– Господи, что случилось? Пётр Сергеевич, что это? Ой, простите, не поздоровалась.

– Ну да, это сейчас главная проблема, не поздоровалась, – чуть улыбнулся тот. – Вот, ваших отловил. Встали в цепочку со взрослыми, я их домой гоню – не идут. Хотя вы их заберите. Нечего им тут делать.

– Пётр Сергеич, откуда пожар, ведь вроде бы никто не работал там?

– Откуда-откуда... По приказу подожгли. Чтоб им пусто было.

– Как по приказу?! По какому?

– Есть такой приказ: что нельзя вывезти, то уничтожить, чтобы врагу не досталось. Подожгли и ушли... Лучше б людям раздали... – Мужчина явно проглотил готовое сорваться с языка ругательство. – Сами драпают, а людям – что? Даже этого не оставляют... Николаевна, забирайте детей и – домой! Я помогать побегу.

– Спасибо, Пётр Сергеевич!

Анна Николаевна взяла за руку Валу, строго взглянула на

сына, и тот понуро пошёл за ней. Они шли очень медленно, принаравливаясь к Валиному усталому шагу в мокрых туфлях.

Стоило отойти от зернохранилища и войти в город, как опять стала слышна эта нехорошая тишина. Теперь она особенно резко контрастировала с шумом и суетой пожарища. Дома мать сразу отправила Валю в душ, а Мише велела помыться во дворе и вышла за ним с ведром тёплой воды.

За столом – то ли за поздним обедом, то ли за ранним ужином – Анна Николаевна рассказывала детям, как добывали транспорт для больных детей, как уехал с ними доктор Василиади, о том, что детский санаторий РККА³² эвакуировали вчера поездом, а о другом – с больными туберкулёзом детьми, часть из которых лежачие, – вроде и забыли.

Миша, в свою очередь, говорил, что училище закрыто и непонятно, будут ли дальше занятия, что он слушал дневную сводку по радио и там сообщают о чём угодно, только не об их городе. Будто и нет такого направления на фронте. И вообще из сводки трудно что-то понять: «оборонительные бои на таких-то направлениях, затяжные бои с целью измотать противника – на таких-то», а в целом понятно, что везде отступают, и понятно, что ничего не понятно. Валя молча слушала, не в силах уже ни на что реагировать, ей всё ещё ме-

---

³² РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия, полное официальное название армии Советского Союза до 1946 года, когда она стала называться Советская Армия.

решился багровый огонь и едкий запах горящего зерна.

* * *

Тишина взорвалась к вечеру.

Валя с матерью выскочили из дома, услышав звон разбитого стекла. В осенних сумерках они разглядели, что в витрине магазина напротив зияет большущая дыра. Четверо подростков деловито вынимали осколки стекла из витрины, расширяя проход.

– Вы что же это делаете?! – воскликнула Анна Николаевна.

– А что, надо, чтобы это всё немцам досталось? – огрызнулся парень лет шестнадцати. – Сдали нас. И дела никому нет, что с нами будет. А завмагша удрала с райкомовской машиной, я видел. Скоро здесь немцы будут. Они, что ли, нас кормить станут?

– Ань, это везде так. – Валя и мать обернулись к подошедшей соседке. – Я из центра только что. Кто посмелее – начали, а теперь все тащат из магазинов всё что могут. Ломятся в склады и в магазины, бьют стёкла, даже ломают мебель, хотя вот уж непонятно – зачем. Но ведь и правда, люди же не знают, что нас ждёт. Сейчас любое добро может оказаться спасением. Я вот думаю: крупы надо бы запасти, пока народ не набежал, соли, спичек, мыла.

– Что ж теперь – и нам тащить?! Семья фронтовика, ува-

жаемого инженера, будет мародёрствовать?

– Ань, ну ведь дети у тебя, – тихо сказала соседка.

– То-то и оно, что дети. Про них и думаю. Если увидят, что раз война, то всё позволено... что с ними потом-то будет? Люди должны как-то людьми оставаться.

– Ань, не страшно тебе вот так... принципиально? Выживать же надо.

– Как не страшно? Страшно, Маша, страшно. Только ведь Фёдор на фронте, я теперь им и за мать, и за отца должна быть. Это на тебя не смотрят дети, ты сама себе хозяйка.

– Ну спасибо, что напомнила, – мрачно усмехнулась соседка и, не простившись, пошла к магазину.

– Маша, прости, я не хотела тебя задеть! – воскликнула Анна Николаевна. Но соседка только махнула рукой, не оборачиваясь.

Анна Николаевна огорчённо смотрела ей вслед.

– Mam, чего тётя Маша обиделась? – вывела её из задумчивости Валя.

– Я неосторожно ляпнула про детей, больно ей сделала.

– А что – про детей?

– У неё вся семья *в тридцать втором в голод погибла*³³.

---

³³ *Вся семья в тридцать втором в голод погибла*. Во время страшного массового голода, охватившего многие районы СССР в 1932–1933 гг. (Украину, многие области Российской Федерации, включая Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Черноземье, Западную Сибирь, а также Белоруссию и Казахстан), люди погибали не только семьями, но и целыми сёлами. Число погибших точно неизвестно до сих пор. У разных исследователей цифры сильно различаются и доходят до

Родители, муж и двое детей. Она и уехала из родных мест сюда, не могла там оставаться. Но по сей день думает, будто она виновата, что выжила.

– Я не знала... – Потрясённая Валя смотрела на мать полными слёз глазами. – Я и не задумывалась никогда... ну одна и одна.

– Вот видишь, а я, не подумав, лягнула, хоть и знала. Ладно, Валюш, я ещё найду к ней попозже. Пойдём домой. Надо решать, что делать будем.

На следующее утро Анна Николаевна отправилась в военный госпиталь в надежде что-то узнать об эвакуации и, может быть, помочь коллегам.

Госпиталь готовился срочно эвакуироваться; все, кто что-то узнавал, приносили вести – одну тревожнее другой. Раненых вывозят точно, а для других транспорта, говорят, нету... где наши войска и что будет – неизвестно... канонада из степи уже не слышна.

Пока Анна Николаевна шла утром пешком через полгорода, она видела разбитые витрины, разграбленные магазины и аптеки и мучительно думала: верно ли сделала, что запретила детям участвовать в мародёрстве и сама не пошла? За хлопотами в госпитале женщина отвлеклась от этих мыслей, но по пути домой они вернулись, тревожа её с новой силой. Ведь и правда, впереди непонятно что. Скорее всего – фашисты. Как жить?

Валя тем временем сбегала в школу – надеялась узнать хоть что-то поточнее – и на обратном пути встретила брата.

– Миш, ты куда?

– По делу, – ответил брат тоном, который ясно говорил: больше тебе знать не надо.

– Ми-иш, а это очень срочно? Пойдём домой, а? Я там боюсь одна. Смотри, везде окна бьют, грабят...

– Да нечего у нас брать, это брошенные квартиры грабят.

– Ми-иш, я боюсь.

– Ну пойдём, ладно. Мама вернётся, тогда уйду.

Дома брат с сестрой застали мать, пришедшую раньше обычного. Она поспешно собирала какие-то вещи, паковала их почему-то в узлы, а не в новый чемодан, купленный перед самой войной. Увидев детей, с ходу стала коротко и резко давать им указания, что откуда достать, что подать или упаковать. Миша и Валя, захваченные этой суетой, стали помогать ей, не задавая вопросов.

– Мам, что мы делаем? – решила наконец спросить Валя.

– Уходить надо, доча. А вещи на себе... Никакой эвакуации мы не дождёмся... Начальство своих поувозило. Госпиталь эвакуируют, но ни одного лишнего свободного места нет. А больше ничего не будет... Так что вяжем в узлы, чтобы легче и удобнее.

– Мам, куда уходить? Ты что-то знаешь?

– В госпитале слышала: к Татьяне Ивановне сын забегал на пять минут – с машиной ехал из части по поручению и нелегально зарулил. Сказал: они организованно отступают, часть войск к югу на Севастополь, часть – на Керчь. Так что мы в стороне, и прикрывать нас некому. Скоро тут будут немцы. – Анна Николаевна продолжала, не останавливаясь, торопливо упаковывать вещи. – Райком уехал, власть вся уехала, военный городок пустой. Сдали нас.

– Мам, остановись! – воскликнула Валя. – Куда уходить?! В море, что ли? Самые бои шли на перешейке. Если наши отступили, то там уже немцы. Как мы там пройдем? Куда? У Севастополя, сама говоришь, бои...

– Ну разве что вдоль железной дороги через озёра, – предположил Миша, – или на запад по берегу.

Мать вдруг бросила недовязанный узел и села на тук с вещами. Руки безжизненно упали на колени.

– И верно... куда идти-то... море с трёх сторон. А перешеек наверняка под немцами. – Анна Николаевна говорила ровно, без эмоций, на одной ноте, будто думая вслух. – На большую землю не пройдем. Ни на запад, ни на восток смысла нет... Если наши отступают к югу, мы выиграем пару дней, не больше. Всё равно немцы везде будут. А так хоть дома... Миш! Чего радио молчит... ты выключил, что ли?

– Включу. Только через три минуты сводка, сейчас марши, что ли, слушать?

Анна Николаевна всё ещё сидела, уронив руки и задумчи-

во глядя на увязанные вещи, когда из репродуктора в комнату ворвался низкий голос диктора, единственный голос, который знала и ждала теперь каждый день вся страна.

От Советского информбюро.

В течение 28 октября наши войска вели бои с противником на Можайском, Малоярославецком, Волоколамском и Харьковском направлениях. Атаки немецко-фашистских войск на наши позиции на ряде участков Западного фронта отбиты частями Красной Армии с большими потерями для врага...

За 28 октября под Москвой сбито шесть вражеских самолётов.

Как обычно, сводка закончилась словами *«Наше дело правое! Победа будет за нами!»*.

– А нас будто и нету, – сердито сказал Мишка. – Утром в сводке тоже было только «в течение ночи вели бои на всём фронте», а что вокруг нас всё тихо сдали – ни слова. Который месяц отступают. А пели-то... «Наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим...» – передразнил он.

– Ну что ж делать, ребята. Деваться некуда. Будем жить. Дома, глядишь, и стены помогут...

Вечером, пока варилась картошка на ужин, Анна Николаевна распаковала сумку с запасом продуктов, всё ещё стоявшую на кухне после дневных сборов, пересмотрела то, что

есть. Остатки полученного по карточкам хлеба, тыква и десяток початков кукурузы, выменянные на вещи в пригороде. Пакеты с картошкой и морковью, кусок сливочного масла, завёрнутый в пергамент, и две бутылки подсолнечного – это перед эвакуацией санаторское начальство решило раздать сотрудникам те продукты со склада, которые невозможно увезти с собой. Обычные люди давно уже не видели никакого масла: карточек на него не было, в магазинах оно не продавалось. Все имеющиеся запасы расходились только по санаториям и предприятиям с вредным производством, где полагалось усиленное питание. Негусто на троих. Но и то – слава богу. Если расходовать продукты аккуратно, на какое-то время хватит.

Она стояла у плиты, перетапливая сливочное масло, чтобы подольше хранилось, когда в дверь постучали.

– Входите! – откликнулась Анна Николаевна и, подхватив ковш с маслом, выглянула посмотреть, кто пришёл.

– Здравствуй, Аня! – Соседка сбросила туфли и поставила у порога кухни большую сумку.

– Маша! Добрый вечер! Проходи, садись, а я буду на плиту поглядывать, ладно? А то у меня тут масло топится. Или отложить? Дело у тебя какое-то?

– Это хорошо, что масло у тебя есть. И я тоже то, что было, перетопила. Дольше сохранится.

– Да вот, видишь, перед эвакуацией санатория всё, что не могли взять со склада в дорогу, сотрудникам раздали. Бака-

лею и консервы упаковали и увезли, а это разве довезёшь?

– Ну и добре. А то ишь – зернохранилище сожгли, ироды. Людям бы лучше раздали... Ань, дети твои дома?

– Нет ещё, вот-вот к ужину жду. Валюшка одноклассницу пошла проведать. Там бабушка больная, они тоже не смогли уехать. Я Мишку с ней отправила, всё же спокойнее – темнеет-то рано. А что?

– И хорошо, что нет. Вот что, Анна. Я твои воспитательные принципы уважаю, но ещё я помню, как дети с голоду пухнут. Потому вот, – Мария указала на сумку, – на твою долю запасла, что было в магазине. И не спорь! Убери, пока дети не пришли, и можешь им не говорить, откуда что.

– Маша... – осипшим вдруг голосом сказала Анна Николаевна. – Маша, да как же...

– Считай это моим эгоизмом – я мучиться не хочу, что у тебя запасов нема́, а дети растут.

Анна Николаевна вытерла ладонью набежавшие слёзы и, забыв про кастрюлю на огне, села перед соседкой на корточки.

– Господи, Маша... спасибо тебе... – Голос сорвался, и слёзы потекли снова.

– Ну-ну, подруга, не реви, масло пережжёшь. – Мария встала и сняла с плиты ковшик. Хозяйка встала вслед за ней. – И кстати, я тебе своё масло тоже принесу – всё вам на подольше хватит. Мне одной зачем...

– И не думай, не возьму, – твёрдо сказала Анна Никола-

евна и тихо, встревоженно добавила: – Маша, ты знаешь что-нибудь? Что с нами будет-то?..

– Что будет... Немцы будут. Добра не жду, а больше ничего не знаю. Как все... – Голос её дрогнул, и Анна обняла соседку. Всегда замкнутая железная Маша вдруг всхлипнула и заплакала в голос. – Бо-оже, ведь опять нас бросили! Который месяц воюем... и ни конца ни краю! Только отступа-ают... Нас тогда, в тридцать втором, без всякой войны бросили умира-ать! А теперь и подавно никому дела нет. Аня, я как тот голод вспомню – жить не хочется! Неужто опять?..

По радио гремела бравурная песня, а две молодые красивые женщины рыдали, обнявшись, над кастрюлькой с топлёным маслом – последним отблеском мирной жизни.

...Хлопнула входная дверь, послышались голоса. Женщины быстро вытерли слёзы, и Мария, присев на корточки, стала вынимать из сумки консервы, пакеты с солью, сухарями, макаронами, пшеном и складывать в шкаф.

– Ладно, Анята... Лишь бы детей уберечь, а мы выдюжим, – улыбнулась снизу вверх. – Иди встречай, а я пока тут...

Пришли

Безвластие продолжалось три дня. А на четвёртый с утра поползли слухи: немцев видели на краю города. Любопыт-

ные мальчишки, несмотря на запреты взрослых, рвались на улицу: просачивались через закрытые двери, вылезали в окна, пропускали мимо ушей ругань и уговоры мам и бабушек.

Осенний день, когда фашисты входили в город, выдался на редкость тихим, тёплым и солнечным. Входили с двух сторон: с севера и востока. Спокойно, без единого выстрела. Горожане, стоя вдоль улиц, по которым ехали мотоциклы и танкетки с немецкими солдатами, молча провожали оккупантов мрачными взглядами. Более робкие выглядывали из-за занавесок с опаской или, может быть, надеждой... Мишке, стоявшему в толпе подростков на Хозяйственной, не приходила в голову мысль, что кто-то может связывать с приходом врагов надежды, но через несколько дней весь город знал этих людей в лицо. А пока жители хмуро взирали на серую форму со свастикой, на рукава солдатских кителей, как-то по-домашнему завёрнутые до локтя, на высокие фуражки командиров и странные, похожие на кастрюли каски солдат.

Мотоциклисты перекликались, даже посмеивались, но не забывали внимательно посматривать по сторонам, видимо, не зная, чего ожидать от местных.

– Люди как люди, – тихо сказал кто-то. – И чего им дома не сиделось.

– На себе теперь узнаем, какие они люди, – зло отозвались ему из толпы.

– Ишь, а это что за войско? Форма, глянь, совсем другая. Рыжая, как глина. И береты. И язык вроде не немецкий...

– Румыны это. Румыния на стороне Гитлера воюет.

– А ты почём знаешь, что румыны?

– Слышу, как говорят. Я молдавский знаю от бабушки.

Это почти то же. Точняк – румыны.

Оккупанты рассредоточивались по городу, неспешно и организованно. Планомерно занимали все административные здания, сразу вывешивали на них временные – на доске, на бумажке – надписи, информирующие, что здесь будет: *Stadtregierung*³⁴, *Arbeitsamt*³⁵.

На здании офицерского клуба злобно оскалилась надпись углём прямо на старинных деревянных дверях: *Polizeiabteilung*³⁶.

Захватчики размещались по квартирам и частным домам, вытесняя хозяев, занимая хорошие комнаты. Сразу стало понятно, что у новой власти есть местные помощники. Уж очень уверенно входили фашисты в лучшие дома и квартиры, тут же сообщая хозяевам, что вот здесь будет штаб, а здесь – квартира какого-то высокого чина и жильцы должны быстро освободить и прибрать помещение.

– Не обошлось без наших, – говорили люди между собой. – Помогает какая-то сволочь, знает, у кого какие условия, кого куда селить.

Во дворе дома, где жили Титовы, стояли три мотоцикла с

---

³⁴ Городская управа (нем.).

³⁵ Биржа труда (нем.).

³⁶ Полицейское отделение (нем.).

колясками. Солдаты суетились, стирая с них степную пыль и грязь, вынимая какие-то вещмешки. Подбежал немец в фуражке, похожей на картуз, вроде командир над ними, что-то сказал. Солдаты вытянулись во фрунт и приложили руки к козырькам – во двор входил офицер. Рослый, худощавый, с правильными чертами лица, в высокой фуражке и длинной серой шинели, он казался бы привлекательным, если бы не холодные серые глаза, смотревшие будто сквозь обитателей города, недостойных его внимания.

Тот самый, в картузе, что-то чётко доложил офицеру, получил в ответ резкое «nein» и, щёлкнув каблуками, отдал честь.

– У нас в доме, что ли, жить будут? – тихо спросила Валя маму. Они стояли у окна и осторожно наблюдали за происходящим из-за занавески.

– Не похоже, – ответила Анна Николаевна. – Если я правильно поняла, офицеру доложили, что есть хорошая чистая квартира с молодой хозяйкой, но там одна комната. А он сказал «нет». Знать бы ещё, что они тут делать собираются... – Она вдруг оглянулась на Валю и, увидев себя и её в зеркале, добавила: – Вот что, дочь. Волосы – в две косички, платице – то, в горошек, которое тебе велико, и запомни: чем младше ты будешь выглядеть, тем лучше.

Анна Николаевна достала старенькое «хозяйственное», как дети говорили, платье и тоже переделалась, взяла серый платок, который надевала на всякую пыльную работу вроде

уборки или субботников в городе, аккуратно повязала его, закрыв не только волосы, но и лоб.

– Мам, это зачем?

– Чем меньше мы заметны, тем лучше, – не уточняя, поняла ли Валя, ответила мать.

Валя не поняла, но спорить не стала.

Фашисты заняли несколько квартир, сильно потеснив хозяев. Соседи тихо говорили друг другу, что местных вытесняли на кухни, даже если они были не одной семьёй, а жили в коммунальной квартире. В комнатах размещались солдаты по несколько человек или средний командный состав. Те позволяли себе жить поодиночке. Хозяевам сразу объясняли, что комнаты нужно быстро прибрать и отдать всё хорошее бельё, посуду, ковры. Впрочем, солдаты и не ждали, пока им предложат: открывали шкафы, доставали всё пригодное и пускали в пользование, а то и просто убирали в свои мешки и чемоданы.

Квартиру Титовых в первый день не заняли, и Анна Николаевна тихо молилась про себя, чтобы не заняли вовсе. Но особенно надеяться на это не приходилось. Точно кто-нибудь доложит, что у семьи главного инженера типографии квартира в две комнаты – хоть и крошечные, но всё равно роскошь для маленького курортного городка.

Уже на следующее утро по всему городу были расклеены указы новой власти. Они же звучали из репродукторов на

улицах города.

На углу возле магазина Валя увидела большой плакат, размером с газетный лист, с фашистским орлом, держащим свастику. Объявление содержало длинный текст на русском и немецком языках.

Для восстановления порядка и безопасности на занятой немецкими военными властями территории **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Начиная с сегодняшнего дня, то есть с 1 ноября 1941 года, с 8 часов вечера до 6 часов утра **ВОСПРЕЩАЕТСЯ** всему населению оставлять свои дома. В это время ходить по городу разрешается, только имея специальный пропуск от немецких властей. За выход на улицу без разрешения – расстрел на месте.

2. Каждый гражданин обоего пола начиная с 12 лет должен обязательно зарегистрироваться в местной комендатуре. Совершеннолетним иметь с собой паспорт.

3. Каждый зарегистрированный гражданин должен носить на груди бирку с номером регистрации и названием комендатуры.

4. Все мужчины от 14 до 60 лет и все женщины от 16 до 50 лет должны пройти регистрацию на Бирже труда в строго отведённые сроки, указанные комендатурой. Не явившиеся в указанные сроки будут строго караться.

5. Если кто-либо будет плохо выполнять полученную от Биржи труда работу, или же откажется от неё, или же будет призывать других лиц не выполнять

порученную им работу или выполнять плохо, будет рассматриваться как саботажник и караться по законам военного времени.

6. Оружие и всякого рода боеприпасы немедленно должны быть сданы в комендатуру. Если таковые будут найдены в чьём-то доме – хозяева будут расстреляны по законам военного времени.

7. Передвижение между населёнными пунктами (из деревень в город и из города в деревни, а также между деревнями) воспрещается без специального разрешения германских властей.

Командующий немецкими войсками

Комендант города

Объявление рядом гласило:

ВСЕМ КОММУНИСТАМ, ВСЕМ АКТИВИСТАМ И РУКОВОДЯЩИМ РАБОТНИКАМ необходимо зарегистрироваться отдельно.

Им будет предложена работа в соответствии с квалификацией. Если через три дня после приказа будет обнаружен тот, кто не зарегистрировался, — расстрел.

Двое немолодых мужчин возле доски с объявлением что-то горячо обсуждали. Валя, подойдя поближе, узнала в одном из них пожилого директора совхоза, дочь которого жила в их доме. Он частенько гостил в семье дочки, и весь двор его знал.

– Почему бы не пойти, – говорил он другому, – они же

обещают дать работу в соответствии с занимаемой должностью, ну или по крайней мере – с мастерством. Я всё-таки не только директор, но и по образованию агроном.

– То есть ты на немцев работать хочешь, – вроде бы даже и не спрашивал, а констатировал его собеседник.

– Не хочу, конечно, я ж не сумасшедший. Но ведь ты пойми: у дочки муж в армии – командир, да ещё политрук³⁷, а с ней малышей двое. Как она жить будет? Я хоть подкармливать их смогу. И, говорят, фрицы не щадят семьи политработников, а так, может, я прикрою. А если буду скрываться, всё равно кто-то донесёт и расстреляют.

– Дочку с малышами, оно, конечно, прикрыть надо, это я понимаю... а только не верю я ихней пропаганде. Чего ради они на оккупированной территории хорошую работу будут раздавать, да ещё платить за неё? И почему только для коммунистов и руководителей отдельный приказ? Нет, Иван, тут что-то не так. Не ходил бы ты...

– А ты что будешь делать? Ну, ты не коммунист... всё одно потребуют зарегистрироваться.

– Я, может, в горы пробираться буду. Там, говорят, отряды партизанские собираются...

Валя не услышала окончания разговора – постеснялась остановиться и дослушать, пошла дальше. Мама не велела

---

³⁷ Политрук (сокращение от «политический руководитель») – воинская специальность в Красной Армии (до 1942 г.), командный состав, отвечающий в воинских частях за политическую работу: идеологическое воспитание бойцов, поддержание боевого духа и т. п.

отходить далеко от дома, но Валя решила, что базар-то совсем рядом. Она только глянет, есть ли там кто-то, меняют ли какие-то продукты на вещи, может, немцы не запретили торговлю-обмен... А если базар работает, они с мамой потом вдвоём пойдут.

Она шла тихими переулками старого города, а в голове крутился услышанный разговор. Ведь и правда – какой у людей выбор, думала девочка. Идти регистрироваться – значит работать на немцев, не идти – на что жить? А вдруг ещё и правда расстреляют... Как тогда будет без поддержки отца эта женщина с малышами, дочь директора совхоза? Валя не понимала, есть ли правильное решение у этой задачи.

Задумавшись, она вышла к базару. Взгляд рассеянно зацепился за что-то необычное в высокой старинной арке базарных ворот. Вскинула глаза. На арке висел человек. Страшное посиневшее лицо и вывалившийся язык, открытые глаза, будто смотрящие на неё... На груди повешенного болталась доска с какой-то надписью. Она вскрикнула, развернулась – убежать – и увидела, что на старой шелковице посреди площади висит ещё один. Крик застрял в горле, и Валя помчалась не разбирая дороги. Задыхаясь не столько от бега, сколько от ужаса, девочка влетела в знакомый маленький дворик в переулке за глиняным забором и прямым попал в объятия Шушаны, которая едва успела подхватить Валу, чтобы та не упала и не сшибла её саму.

– Валя, что?.. Что ты? Тише... тише... Не бойся. Ты же у

нас... – Маленькая худенькая Шушана изо всех сил обнимала девочку, гладила по голове, по плечам, давая отдышаться и успокоиться. – Откуда ты?

Валя только показала рукой в сторону улицы и всхлипнула, не в силах ничего объяснить.

– Ты у базара была? – догадалась Шушана.

Та кивнула.

– Видишь, как они порядки наводят. Сразу двоих повесили. Просто чтобы остальных запугать. Не ходи туда, детка. Не ходи... – Шушана всё ещё покачивала её, как маленькую, в такт словам. – И почему ты одна ходишь? Мало ли что... мать-то знает, где ты?

Валя помотала головой.

– Как это ты ушла и ей не сказала? Она небось уже с ума сходит. Идём-ка, я тебя домой отведу.

Они шли по притихшему городу, где на улицах были видны в основном оккупанты. Жители, пытаясь понять, что будет происходить, старались как можно реже покидать свои дома.

Чтобы отвлечь Валию от жуткого впечатления, Шушана общала новости последних дней. Они с Зоей и Розой почти никуда не выходили, но еда пока есть. В их дворе ни румыны, ни немцы пока не стоят. Да и где тут постой устраивать? Дворик крошечный, в старом глинобитном доме что ни комната – то семья. Туалет во дворе, вода – тоже.

– Очень мы Фёдору Ивановичу благодарны, что он нам

эту комнату помог получить. Что он пишет? Есть новости?

– Да, было письмо на прошлой неделе, прямо перед тем, как город сдали. Пишет, что они где-то в холодных болотистых местах возле города, в котором они гуляли с мамой после свадьбы. Мама думает, что он под Ленинградом, потому что они в свой первый отпуск после свадьбы именно в Ленинград ездили. Но ведь военная цензура не разрешает прямо сообщать, где войска находятся. Пишет, что жив-здоров, но бьются все страшно и в его роте за первые два месяца почти целиком сменился состав. А теперь его направили служить по специальности, и он командует типографией и редакцией фронтовой газеты. Даже картинку нарисовал в письме. Там такой крытый грузовик с дверьми сзади, и в нём видны наборные кассы и даже печатный станок. А наборщики и корректоры сидят прямо на земле, на пеньках и кочках, а рамы наборные и листы держат на коленях. И это всё, представляете, тётя Шушана, не в тылу, а прямо в действующей армии. И там ведь у них уже холодно!

Валя любила разговаривать с Шушаной – та всегда слушала внимательно, не отводя от собеседника ярких чёрных глаз, и очень интересно и точно комментировала всё, что бы ей ни рассказывали. Вот и сейчас этот сдержанный, но внимательный взгляд помогал девочке успокоиться и отвлечься от пережитого ужаса.

– А от Тамары есть письма? – спросила Валя.

– От Тамары? – странным голосом переспросила Шушана.

– Ну да, мы с вами давно не виделись – как она?

Шушана помолчала.

– Похоронку мы на неё получили, Валечка. Тоже неделю назад.

– Как похоронку?! – ахнула Валя. – Она же... она же в санитарный поезд завербовалась, не на фронт.

– А ты думаешь, санитарный поезд где ходит? По всему фронту, где только рельсы есть, раненых собирает. Поезд их немцы бомбили. Она раненых выносила из разбитых вагонов. А тут немецкий самолёт. И сверху всех расстрелял. Это её подруга-медсестра написала. Письмо вместе с похоронкой пришло.

Оглушённая Валя не очень понимала, что говорит Шушана... Тамара... как это – её больше нет? Не будет больше высокой статной красавицы, которая, потеряв детей, ушла на войну помогать бойцам? Как это – расстреляли раненых?

Тем временем дошли до квартиры Титовых. Валя, едва кивнув бросившейся навстречу маме, убежала в свою маленькую комнату. Мишки, как всегда, не было дома.

Она сидела на кровати, обхватив подушку, и не могла ни на чём сосредоточиться. Она не плакала. Тупо смотрела в пространство. Только побелевшие пальцы изо всех сил сжимали такую же белую наволочку, будто выражая всё её отчаяние. Бабушка... теперь вот ставшая уже почти родной Тамара... кто ещё?! Письма идут долго. Что сейчас с папой? Где дедушка?

Валя не понимала, сколько она так просидела. В комнате уже сгущались ранние осенние сумерки, когда вошла мама. Села рядом, молча обняла дочку за худенькие, чуть дрожащие плечи. Говорить было невозможно – у обеих не было слов, чтобы высказать гнетущие их боль и страх, но всё же Вале стало чуть легче от тёплой маминой руки на плечах, от любимого «довоенного» запаха маминого платья. Валя всегда удивлялась, как долго, даже после стирок, держится едва уловимый запах любимых маминых духов на всех её нарядах. Так и сидели они в ставшей почти тёмной комнате, пока не разорвал тишину ломкий Мишин басок:

– Ау! Куда вы делись, женщины?

– Мы здесь, Миша!

Мама быстро встала, поднялась вместе с ней и Валя. Мишка пришёл запылённый, уставший и какой-то по-взрослому собранный. На встревоженный взгляд матери ответил, не дожидаясь вопроса:

– Мы с ребятами осторожно ходим, не волнуйся, мам. Выясняем, что к чему... А поесть что-нибудь найдётся?

Анна Николаевна кивком головы отправила сына умыться, расставила тарелки, достала завёрнутую в одеяло кастрюлю с кашей из перловки и тыквы. Каша была пустая – без молока и даже почти без масла, но всё же это был ещё совсем не голод. И оставалось только тихо надеяться, что оккупанты не отнимут остатки запасов, что на какое-то время им хватит еды, а там...

«А там – что Бог даст», – подумалось Анне Николаевне старинными словами. Ей даже представилось, что она, человек в общем-то неверующий, взрослевший при советской власти, вдруг подумала вот так – с большой буквы, как всегда писала это слово её давно умершая мама. Ей, рано потерявшей родителей и с четырнадцати лет до замужества жившей у дальних родственников, вдруг так захотелось стать девочкой, чтобы обняла её за плечи всё знающая и всё понимающая мама, которая не даст отчаяться, объяснит, как жить, как не утонуть в этом надвигающемся ужасе, не потерять себя... Но теперь она сама была мамой. Она сама должна была защищать и утешать своих детей, не давать им отчаяться и объяснять, как жить. А как жить, если вокруг только враги, если не понимаешь, что станет завтра с тобой и детьми, – этого не знал, наверное, никто в их старинном приморском городе.

Анна Николаевна взяла себя в руки, спокойным голосом велела детям садиться за стол и стала раскладывать кашу.

Более-менее умытый и отряхнувший одежду Мишка рассказывал, где был, что видел в городе, кого из знакомых навестил или встретил. С двумя однокурсниками из училища они умудрились облазить чуть ли не весь город, стараясь не попадаться на глаза патрулям, прячась от солдат, передвигавшихся на мотоциклах и бронемашинах, замечая всё и оставшись незамеченными.

– Пляжи минируют, – рассказывал он, – и обносят колю-

чей проволокой. Не иначе – бояться нападения наших с моря. На базарной площади... – Мать предупреждающе взглянула на него и прижала палец к губам, пока не видит Валя. Он понял. – ... везде объявления висят, чтобы всем регистрироваться. Как думаешь, мам, идти? Это ж они работать на себя заставят? В городе, кажется, этих румынских войск больше, чем немцев. Я Петра Сергеича встретил. Спросил, пойдёт ли он регистрироваться. А он так странно ответил – мол, погожу пару дней, а там, может, и не понадобится. Но я завтра ещё зайду к нему, поговорю. Мы втроём были, может, он не захотел говорить, что знает... Мама, как думаешь, он мне одному скажет?

– Миш, ты бы не лез во взрослые дела...

– А какие дела у нас теперь детские, мам?

– Миша, я думаю, если Пётр Сергеевич что-то и знает, то вряд ли тебе – пацану – скажет. Тебе всего пятнадцать.

– Это вопрос формулировок, – неожиданно по-взрослому усмехнулся Мишка. – Мне в январе шестнадцать будет... а сейчас что? Ноябрь. Скажи «почти шестнадцать», и получится, что я вполне взрослый. Паспорт пора получать. Разве нет? И в типографии, между прочим, с нас как со взрослых спрашивали, а не как с пришедших поиграть.

«Вопрос формулировок»... надо же... Эти мужские интонации и чёткие фразы заставили Анну Николаевну вдруг увидеть сына новыми глазами: за столом сидел и строго смотрел на неё ещё по-мальчишески нескладный, но вполне

взрослый умный парень с внимательными, такими похожими на отцовские глазами и натруженными руками. Она и не заметила, как мгновенно, за несколько месяцев, изменился Миша. Война, уход отца на фронт, два месяца тяжёлой работы на окопах – и вот он уже не ребёнок, мужчина... И правда ведь – в типографии, где с сентября и до самой оккупации ребята из училища работали вечерами после занятий, никто не считал их детьми. Они работали как все, заменяя ушедших на фронт взрослых. Материнская тревога от этой вдруг увиденной взрослости сына только возросла. Попробуй запрети такого дома, запрети что-нибудь... А ведь случиться может всякое. Это Валюшку пока ещё можно постараться уберечь...

Анна Николаевна вздохнула, но тревоги свои оставила при себе. Только попросила сына быть как можно осторожнее, помнить, что за ним – ещё и они с Валеёй.

– Помню, мамочка. Честное слово, буду осторожен. И знаешь, вот я что думаю. Вам бы с Валюхой надо зарегистрироваться. Конечно, есть риск, что будет тяжёлая работа, но ведь Валя-то девчонка ещё, ей по их приказу и работать пока не надо. А если кто донесёт, что семья известного человека прячется от регистрации, точно ведь расстреляют. – Мишка помолчал, размышляя. – Нет, вы завтра не ходите в комендатуру и постарайтесь из дома не высываться. А я с Петром Сергеечем посоветуюсь.

Следующий день был полон томительного ожидания. Валя слонялась по квартире и ничем не могла заняться, Анна Николаевна делала какие-то мелкие домашние дела, но Валя видела, что она тоже время от времени замирает на месте и задумывается. Мать беспокоилась об ушедшем с утра Мише, о будущем – своём и детей, – и размышления на тему «что посоветовал бы Фёдор» тоже мало помогали. Никто не понимал, что будет.

Из репродукторов на улицах весь день неслись сводки вермахта на русском и крымско-татарском языках. В промежутках звучали немецкие марши и пропагандистские рассказы о том, как хорошо живут люди на оккупированных территориях, «освобождённых от большевистского ига».

Сообщалось также о необходимости пройти регистрацию и о том, что немецкое командование вводит налоги: подоходный – с заработной платы тех, кто будет работать по направлению биржи труда, налог на благоустройство города – со всех, на содержание полиции и даже налог на публичные дома. Из последнего жители поняли, что таковые в городе официально разрешены, а кто станет их организовывать и в них работать, пока оставалось только гадать.

Голоса, сообщавшие всё это, в основном звучали не как у профессиональных дикторов радио, но речь была вполне

местная, без немецкого акцента. Кто-то из жителей не без удивления узнавал знакомых, кто-то говорил: «Ишь, продались за горбушку хлеба. Теперь учат нас жить», другие оправдывали – мол, что делать, выживать же надо, может, у людей дети, да и не убивают же они своих, просто тексты читают, которые им немцы пишут.

Ближе к вечеру гулким эхом разнёсся во дворе треск мотоциклов. Немцы. Анна Николаевна и Валя осторожно подошли к окну кухни. Выскочившие из двух мотоциклов с колясками оккупанты чётко и организованно направились в разные стороны двора. Через пару секунд в дверь Титовых сильно застучали прикладом. Анна Николаевна знаком велела дочери остаться в кухне и пошла открывать.

– Gibt's hier Juden?³⁸

– Nein, – машинально по-немецки ответила Анна Николаевна, а про себя мельком удивилась – почему про евреев спрашивают?

– Du sprichst Deutsch?³⁹

– Sehr wenig...⁴⁰

Немец кивнул и разразился длинной тирадой. Спohватившаяся Анна Николаевна покачала головой и развела руками – мол, не понимаю.

---

³⁸ Евреи есть? (нем.)

³⁹ Ты говоришь по-немецки? (нем.)

⁴⁰ Очень мало. (нем.)

– Verdammt!⁴¹ – выругался солдат и крикнул что-то в сторону двора.

Через полминуты, будто материализовавшись из воздуха, рядом возник переводчик – высокий, подтянутый, в офицерской форме, с неожиданно тонким умным лицом.

Анна Николаевна, понявшая на самом деле речь солдата, тем не менее терпеливо слушала, что говорил переводчик.

– Вы должны показать нам и освободить ваши комнаты. Мы будем решать, кто здесь будет жить, нам надо всё видеть.

Женщина открыла дверь пошире и пропустила военных. Они бегло осмотрели комнаты, заглянули в уборную, проверили душ, и переводчик указал на дверь кухни.

– Кухня, – поняла вопрос Анна Николаевна. – Там моя дочка.

Переводчик открыл дверь, окинул взглядом кухню, сжавшуюся на табуретке Валу, переглянулся с солдатом.

– Там будет жить господин офицер с... как это... солдатом и я. Вы – здесь.

– По-русски такой солдат называется денщик, – неожиданно для себя сказала Анна Николаевна переводчику.

– Ден-шик. – Переводчик щёлкнул пальцами. – О! Запомню. Вы должны дать чистый бельё, самый хороший посуда и жить с дочью в кухне. Вы будете убирать, стирать, мыть, мы – платить вам продуктом и марки⁴².

---

⁴¹ Чёрт возьми! (нем.)

⁴² Официальная денежная единица Германии называлась «рейхсмарка», но тут

– Хорошо. Но у меня ещё сын.

– Сын? Большой?

– Четырнадцать. – Мать предостерегающе взглянула на Валу, чтобы та нечаянно выражением лица не выдала мамин обман.

– Будет на кухне. И должен регистрироваться на арбайт-замт⁴³.

Анна Николаевна кивнула.

– Шнель-шнель, – сказал солдат и показал руками что-то напоминающее подметание веником.

– Быстро убраться и переместить свою одежду, чтобы не ходит в комнаты, – пояснил переводчик. – Через два часа господин офицер будет здесь.

Они ушли. По пути к двери солдат снял со стены старинные круглые бабушкины часы и сунул к себе в вещмешок. Валя изумлённо смотрела на это, а шедший впереди переводчик то ли ничего не заметил, то ли счёл, что это в порядке вещей.

Обитателям квартиры пришлось взяться за дело. Мать и дочь быстро вынули из гардероба одежду и постельное бельё поплотнее («Это не отберут», – сказала Анна Николаевна) и сложили в кухне. Одежду отца связали в узел и забросили на им же построенные когда-то полати в прихожей, в дальний

переводчик мог иметь в виду «оккупационные марки», которые нацисты пускали в обиход на занятых территориях.

⁴³ Арбайтзамт (нем. Arbeitsamt) – биржа труда.

угол. Валя – с мыслью, что когда-нибудь папа вернётся и надеет, а Анна Николаевна – с надеждой, что немцы не забьрут и можно будет обменять на еду. Пока мыли полы, доставали чистое бельё и парадный сервиз, подаренный когда-то родителям на свадьбу, пришёл Миша. Ему быстро сообщили новости. Анна Николаевна предупредила, что сказала немцам, будто ему четырнадцать лет. Миша усмехнулся.

– Мам, они, по-твоему, идиоты? Посмотри на меня... я выше тебя, какие четырнадцать? Кто ж поверит?

– Миш, ну давай оставим как есть. Будем говорить, что быстро вырос, что дед очень высокий... Иначе они тебя куда-нибудь отправят, если будут видеть в тебе взрослого.

– Мама, – Мишин голос вдруг стал строгим и напряжённым, – я пришёл вот что сказать. Я был у Петра Сергеевича. Он говорит: у них меньше подозрений вызывают женщины и дети, чем здоровые парни. И вам без меня, есть надежда, будет спокойнее, раз тут в доме немцы. А у нас с ним дело есть. И я здесь появляться не буду. Я буду очень осторожен, не волнуйся, – добавил он, не дав матери возразить. – Но вот что... давайте договоримся: я будто бы ушёл в деревню менять вещи на еду и не вернулся. Ну мало ли... подстрелили по дороге или не пустили обратно... В общем, вы не знаете, где я и что со мной. Валь – усвоила? НЕ ЗНАЕШЬ... в деревню ушёл...

– И не вернулся, – помертвевшими губами выговорила Валя. – А на самом деле?

– А на самом деле тебе больше знать не нужно. Да и маме тоже.

Анна Николаевна тихо ахнула и прижала ладонь к губам.

– Мама, ну пойми... Мне почти шестнадцать, и я что, буду сидеть здесь, как маленький, и на всё это смотреть? А там люди нужны. Мамочка... – Обычно не склонный к сантиментам Мишка обнял побледневшую мать, пальцем стёр катившиеся из её глаз слезинки, поцеловал мокрые щёки. – Папа поддержал бы меня... Разве нет?

Анна Николаевна молча кивнула и уткнулась ему в плечо, не в силах что-то сказать, но понимая, что в решении сына изменить ничего не может.

Мишка быстро побросал в рюкзак своё бельё, пару рубашек, все тёплые вещи, резиновые сапоги, взял из письменного стола перочинный нож, пяток простых карандашей и пару чистых тетрадок.

– Будет возможность – напишу вам пару строк, – улыбнулся одними губами, глаза уже были отстранёнными и строгими. Мать поняла, что мыслями повзрослевший сын уже далеко, где-то там, на войне. – Я буду осторожен, мама. – Ещё раз коротко обнял обеих и ушёл, не оборачиваясь.

Валя и Анна Николаевна подавленно молчали.

Треск мотоцикла во дворе заставил их вернуться к действительности.

– Что ж, Валюша, будем жить в том, что есть, – вздохнула мать и выпрямилась, – не забывай заплетать детские косички

и надевать те платья, что посвободнее, побольше. А другие, понаряднее и более взрослые, я, глядишь, на еду поменяю.

Новые будни

Плотный широкоплечий немецкий офицер выглядел холодно-равнодушным. Он коротко и жёстко разговаривал с сопровождавшими его солдатами и лишь мельком, как на мебель, взглянул на хозяек квартиры.

Осмотрев жильё, офицер резко сказал солдату, что могли бы и получше найти, что это за конура такая... но ладно хоть очень чисто и душ с туалетом в доме, а то «у этих дикарей в каждом втором доме туалет на улице».

Он разместился в комнате родителей, а одному из солдат – это, видимо, и был его денщик – и переводчику приказал устроиться в проходной детской.

Анна Николаевна велела Вале не попадаться лишний раз на глаза немцам и сама старалась не выходить из кухни без надобности, а главное – не показывать, что хорошо понимает немецкий: кто их знает, как они к этому отнесутся. Поэтому, когда солдат принёс в кухню груду нижнего белья и кусок мыла и произнёс длинную тираду, она вопросительно взглянула на него и покачала головой. Знаками показала: мол, понимаю, что постирать, а ещё что? Солдат позвал переводчика, и тот объяснил, что нужно постирать сейчас это бельё герра офицера, его самого и денщика, а позже принесут бе-

льё других солдат, и его нужно стирать отдельно. А платить ей будут частично едой, частично – марками, но завтра обязательно идти на биржу труда и зарегистрироваться, иначе не будет ни продуктов, ни марок, а будет расстрел за неповиновение. Женщина кивнула, стараясь, чтобы лицо не выражало никаких эмоций.

Немцы ушли. Делать было нечего – пришлось доставать большое корыто и организовывать стирку. «По крайней мере, есть шанс, что будет горячая вода, раз тут офицер живёт, – думала хозяйка. – Да он, видимо, и не один в нашем доме, значит, котельная при доме будет работать». На дворе стоял ноябрь, вот-вот наступит зима, и отопление в доме избавляло жителей от необходимости добывать дрова и налаживать печи, которые не топились, наверное, с начала тридцатых годов, когда к дому пристроили котельную и поставили батареи.

На следующий день Анна Николаевна отправилась на биржу. Вале регистрироваться не требовалось, но мать взяла её с собой, чтобы не оставлять дома одну. Прошедшей ночью с моря подул сильный ветер и принёс настоящие, нечастые для южного ноября холода. Тёмное небо – то ли ночь забыла кончиться, то ли день решил вовсе не наступать – сыпало на людей колючее ледяное крошево: дождь ли, снег ли – не разберёшь. Серые космы туч неслись в вышине, будто ведьмы на лохматых мётлах, под ногами хлопала ледяная жижа, ботинки скользили по брусчатке. Не верилось, что всего

несколько дней назад фашисты входили в город тихим тёплым днём, когда сияло солнце. Даже деревья ещё не сбросили золотую листву. Вале казалось, что с того дня прошли уже месяцы, что город и море осознали происходящее здесь и теперь не может быть ни тихой золотой осени, ни спокойного моря, а дальше так и будет только шторм, тучи и колючий мокрый дождь, похожий на снег.

На бирже труда царила тихая, какая-то покорная суета. Пришедшие регистрироваться горожане ходили по команде от одного стола к другому, показывали паспорта, получали какие-то бумажки. Распоряжались всем два пожилых местных жителя, говорившие только по-русски, и женщина с резким громким голосом – как шепнула встретившаяся Титовым тётя Маша, то была учительница немецкого из фабричного посёлка, – которая служила переводчиком между немцами и жителями и тоже чем-то здесь командовала.

Всем годным к работе выдавали маленькие тонкие книжечки с разлиновкой внутри, называемые «арбайтскарте»⁴⁴. Мужички, которые назывались старшими по кварталам, объясняли, что за каждую отработанную неделю в арбайтскарте нужно ставить штампик и что все должны эту карточку носить с собой, потому как полицаи при проверке документов будут её требовать, и если у тебя её нет – значит, ты уклоняешься от работ и подлежишь расстрелу на месте или отправке в лагерь.

---

⁴⁴ Арбайтскарте (нем. Arbeitskarte) – трудовая (рабочая) карточка.

Анну Николаевну хотели сразу направить на какие-то работы по укреплению берега, но она сказала, что у неё в квартире живёт офицер, который велел стирать бельё. Квартальные спорить не стали и велели только поставить штамп в арбайтскарте или, если стирка будет только один день, явиться завтра на другие работы.

Вышедшие с биржи люди делились новостями. Торговлю немцы вроде бы не запрещали, и базар работает. Но кто будет там торговать – непонятно, ведь передвижение между городом и деревней запретили. Пока горожане ещё меняют у кого что есть, а у жителей частного сектора остались кое-какие овощи на огородах, но, говорят, немцы устраивают чёс по домам и реквизируют продовольствие, поэтому надо как-то исхитриться и спрятать запасы, чтобы не нашли. Мария рассказала, что была вчера на базаре. Народ уже есть, но мало. Немецкие и румынские солдаты тоже ходят по базару. Продукты их не интересуют – видно, они хорошо снабжаются. Однако, если оккупанту понравится чья-то вещь, он в лучшем случае предложит поменять на марки или на какую-нибудь ерунду, а может и просто отобрать.

Тем временем солдаты расклеивали по городу какие-то новые листы – по три в ряд. Женщины и Валя подошли посмотреть. На стене комендатуры уже белел новый приказ оккупантов на русском, немецком и крымско-татарском языках. «Похоже, в нашей типографии отпечатан», – отметила про себя Анна Николаевна. На каждом листе вверху была

изображена шестиконечная звезда из двух наложенных один на другой треугольников.

– Ишь ты, – тихо сказала Мария, – уже и на крымско-татарский кто-то переводит... не теряют времени, гады.

Указ гласил:

ВСЕМ ЕВРЕЯМ И КРЫМЧАКАМ ГОРОДА

надлежит зарегистрироваться в специально организованном Еврейском комитете по адресу... Каждый еврей и крымчак, независимо от возраста, долженшить на одежду шестиконечную звезду белого цвета⁴⁵ и без неё не появляться на улице. Все имеющиеся ценности и денежные знаки любого достоинства должны быть сданы в комитет, на руках разрешается оставить по 200 рублей на человека. Регистрация должна быть проведена в течение трёх дней с появления приказа.

За неявку на регистрацию и укрывательство евреев другими жителями – расстрел.

– Мам, – Валя потянула за рукав Анну Николаевну, – мам... Шушана...

– Да, Валюш, надо что-то быстро придумать. Пойдём-ка домой.

– Что, Ань? Ты о чём? Что нужно? – переспросила Мария настойчиво.

---

⁴⁵ Во многих оккупированных странах нацисты вводили для евреев жёлтую звезду, но на некоторых восточных территориях, в том числе в Крыму, в приказах оккупантов фигурирует белая звезда.

– Идём, по дороге расскажу.

Пока шли до дома, Анна Николаевна тихонько рассказала соседке, что среди беженков, которые когда-то пришли из Севастополя и которым помогали Титовы, двое – Роза и её свекровь Шушана – *крымчачки*, а значит, им грозит опасность и нужно как-то их спрятать или вывести из города.

– Не выведешь никуда, Ань... Если в городе такой указ есть, то и везде он есть... Надо как-то иначе. Документы поменять, что ли... Хорошо, что их мало кто в городе знает, может, не сдадут... Аня, а в типографии...

– Да, я тоже подумала. Нужно поискать, кто из надёжных людей из типографии остался в городе... Нет... что толку. Типография же не работает. Вернее, работает – кто-то ведь печатает эти приказы, да только это значит, что там люди не те. Даже не знаю, кого спросить без риска.

– Надо, чтобы они не высывались пока, а мы подумаем, что делать. Не знаешь, у них документы есть? Паспорта?

– Да. Были паспорта. Я видела. У Тамары не было – дом разбомбило, а у них вроде были. – Анна Николаевна на секунду задумалась. – Вот что, Валя, тихо и осторожно дойди до Шушаны и Розы. Скажи, чтобы, во-первых, сидели дома, пусть только Зоя выходит – ей не опасно, и от посторонних пусть в подвал прячутся, а во-вторых, скажи, чтобы печку затопили и паспорта сожгли. Будем говорить хотя бы, что они... ну, пусть гречанки... а паспорта сгорели при бомбёжке в Севастополе. Они, правда, в госпитале работали,

паспорта предъявляли, но госпиталь уехал, авось никто не вспомнит, что у них там было написано про национальность.

Валя кивнула, мол, запомнила: сидеть дома, сжечь паспорта и если что – называться гречанками, закутала поплотнее голову тёплым платком и отправилась в старый город.

Анна Николаевна, подумав, повернула от дома в другую сторону.

– Знаешь, Маша, я, пожалуй, дойду до одного Федино коллег. Вдруг он дома. Посоветуюсь.

А про себя подумала: «Может, и про Мишу что-то узнаю». Мария кивнула.

– Дóбре. Я пока тоже подумаю, что можно сделать. Ой, Аня... а Фира-то, небось, тоже приказ видела?! Нужно ведь и с ней что-то делать. У неё же нет никого – муж умер, сыновья на фронте. Надо сходить её проведать.

Соседки распрощались и пошли в разные стороны, стараясь не привлекать внимания оккупантов на улицах.

Валя тем временем добралась до домика в старом городе, где жили севастопольцы, как называли их между собой Титовы. Зои не было дома. Она рассказала Шушане и Розе о приказах, которых те ещё не видели, и передала всё, что велела мама.

В комнате висело долгое тяжкое молчание, когда вошла бледная встревоженная Зоя – она ходила на базар и тоже увидела приказ.

– Знаете уже, да?

– Да. Нам нужно уходить, Зоя, – вдруг решительно сказала Шушана. – Нельзя, чтобы Анна нам помогала, сама погибнет и детей погубит.

– Куда уходить, тётя Шушана?! – Валя не ожидала такого решения и заволновалась. – Некуда! Везде эти приказы есть. Наверняка в деревнях тоже.

– Зоя, ты останешься. А мы с Розой уйдём. – Шушана говорила спокойно и твёрдо.

– Почему это я останусь?

– Потому что ты – русская аристократка. Породу издали видно. Тебя не тронут. А с нами тебе дела иметь не надо, мы для них другой сорт.

– Шушана, куда вы пойдёте? Что это изменит? – возразила Зоя. – Подумай! Нельзя уходить... задержат – хуже будет. Мы что-нибудь придумаем.

– Вы не должны ничего придумывать, – вступила в разговор Роза. – Небось там написано как про коммунистов: за укрывательство расстрел. Валя нам этого не сказала, но ведь точно?

– Точно, – упавшим голосом подтвердила Валя, вдруг осознавшая всю реальность этой угрозы.

– Вот видишь... нужно нам уходить.

– И что? Куда вы можете спрятаться?

– Там уж как судьба... – Шушана сказала это всё так же спокойно, ровно, почти обречённо.

– Тетя Зоя, ну скажите хоть вы... они же могут назвать-

ся гречанками. Мама велела именно так. И она пошла к папиным друзьям советоваться. Что же, она зря, выходит, пошла через полгорода? Ну давайте дождёмся, что скажет мама. По-моему, нужно делать, как она велела.

– Кто-нибудь всё равно сдаст, – так же ровно произнесла Шушана. – Знают же во дворе наши имена... Здесь ещё три семьи живёт, кроме нас одиннадцать человек, – пояснила она Вале.

– Ты знаешь, – помолчав, сказала Зоя, – может, и не сдадут. Все три семьи – караимы. С ними тоже ещё неизвестно что будет. Мне думается, они нам помогут и сами постараются не привлекать внимания. Подождите уходить. Давайте Анну послушаемся.

– Мало нам Анна и Фёдор помогали? Мы хотим их погубить, что ли?

– На регистрацию три дня даётся. Сегодня и завтра точно можно подождать, а там посмотрим.

– Я вас очень прошу, – Валя от волнения даже ладошки сложила, как в молитве, – давайте подождём, что мама скажет. Если вы уйдёте сейчас, она не простит себе, что мы даже не попробовали помочь. Вы хотите, чтобы она себя винила?

Как быстро сейчас взрослеют дети, подумала Зоя, вот уже и эта девчущка говорит: не простит себе... Были ли в её, Зоины, тринадцать лет такие мысли в девичьей голове? В благополучной тогдашней жизни – вряд ли...

– Вот что, Шушан, никто никуда сейчас не пойдёт, – ска-

зала она твёрдо. – Вы с Розой сидите дома и не высовывайтесь. Если кто чужой появится – сразу в подвал. А мы с Анной за эти два дня что-то придумаем. Слава богу, в нашем дворе немцы не стоят.

– Ой, а у нас стоят. Со вчерашнего дня. – Валя вдруг вспомнила, что женщины не знают последних новостей. – Офицер какой-то важный, солдат его... как это... вроде слуги, мама говорила...

– Денщик? – подсказала Зоя.

– Да, точно. И переводчик ещё. А нас на кухню выселили. И принесли маме кучу их белья – стирать.

– Как же вы втроём там помещаетесь?

– Вдвоём. Мишка вчера забежал, забрал все свои тёплые вещи и ушёл... не сказал куда. Попрощался и обещал маме, что будет осторожен. И ещё, – добавила она упавшим голосом, – сказал, что нам знать не надо, куда ушёл.

Женщины переглянулись, покачали головами, но промолчали. Только Шушана что-то еле слышно прошептала по-крымчакски, и Валя, не зная языка, почему-то угадала, что это молитва.

* * *

Оккупантов в квартире не было. Валя сидела в кухне и, волнуясь, ждала мать. Когда Анна Николаевна вернулась, дочка рассказала ей, как сложился разговор у севавтополь-

ских друзей и что решили.

– Правильно Зоя настояла, – сказала Анна Николаевна. – Уходить неизвестно куда – это им верная гибель. Я тоже кое-что узнала. Видела Петра Сергеевича. Про Мишу он сказал, что у него всё в порядке и что он где-то у своих, не на глазах у немцев, и чтобы мы не беспокоились.

В окно кухни аккуратно постучали – мать и дочь обернулись. Во дворе стояла Мария и делала знаки, чтобы к ней вышли.

Анна Николаевна кивнула и направилась к двери. Валя – следом.

– Валюш, не ходи.

– Ты будешь рассказывать тётё Маше, что узнала, – без вопроса в голосе сказала девочка. – А мне? Я, думаешь, не хочу помогать? Или мне знать не надо?

– Валь, ну не детское это дело...

– А к Шушане ходить – детское? Как я смогу помогать, если ничего не знаю...

– Но ты понимаешь...

– Я, по-твоему, совсем глупая? Понимаю, дело серьёзное, и болтать о нём нигде не надо. Мам, ну правда... мне тоже важно это делать. – Валя потянулась за своим пальтишком.

Мать вздохнула, подумав о том же, о чём думали тогда многие: как рано и быстро взрослеют из-за войны дети. Накинув пальто, подала Вале тёплый платок:

– Голову накрой. Холодно.

На улице Анна Николаевна тихонько стала рассказывать подруге новости:

– Пётр Сергеевич, бывший начцеха из типографии, сказал, что он сам теперь в типографии не работает и планировал сегодня уйти из города, но тут эти фашистские приказы появились, и «старшие товарищи», как он выразился, велели ему остаться и попытаться что-то сделать для евреев и крымчаков, для кого возможно.

– Что он может сделать? Спрятать? – тихо спросила Валя.

– Всех не спрячешь, да и мест таких мало, где безопасно людей прятать. Хотя кое-кого, он сказал, вывести из города можно. И документы поменять хотя бы тем, кого мало знают в городе. В типографии есть надёжный человек, он попытается достать стандартные бланки справок. Где-то на складе были довоенные. И ещё вырежет копию нескольких печатей домоуправлений по образцам, которые Пётр Сергеевич нашёл.

– Зачем?

– Будут делать людям справки, будто у них ещё до оккупации пропали документы – украдены, или в эвакуации утеряны, или при бомбёжке, как вот у Тамары было. Ну и давать другие имена и фамилии.

– Я тоже кое-что добыла. – Мария вынула из кармана потёртый паспорт. – Вот мне знакомая дала. У них перед самой оккупацией бабушка умерла в посёлке, а документы они сдать не успели. Смотри – на фотографии всё равно не раз-

берёшь, какие глаза и волосы⁴⁶.

Валя заглянула в раскрытый паспорт:

– Не очень похоже.

– Все мы на паспортных фото на себя не сильно похожи.

Тут печать на пол-лица – может, и сойдёт. И по возрасту всего на пять лет старше Шушаны. Антонопулу Аделаида, гречанка. Вот, Шушане отдай – пусть привыкает к новому имени. – Мария протянула Анне Николаевне документ.

– Маша, спасибо тебе.

– Не благодарят за это, Ань... И вот ещё что: я же собиралась к Фире зайти. Не знаешь, есть у неё кто в квартире?

– Немцы у них не стоят. Там коммуналка такая... запущенная. Они пока получше выбирают.

– Можно я с вами, мам?

– Ну пойдём, только не влезай во взрослые разговоры, пожалуйста.

Соседка, которую почти все во дворе, независимо от возраста, звали тётей Фирой, открыла на стук сразу. Будто ждала кого-то.

– Тёть Фир, ты даже не спрашиваешь кто... – сказала Мария с упрёком. – Ну как так можно?

– А! Шо теперь... – Женщина безнадёжно махнула рукой. – Один леший, кто бы ни был – войдёт и не спросит. Здравствуй, Маша. О! И ты, Анюта, тута... и Валюха даже.

---

⁴⁶ В советских паспортах старого образца были чёрно-белые фотографии размером всего 3х3,5 см с фиолетовой печатью через угол.

И шо за такая делегация ко мне? Или я какая важная персона стала?

– Тётя Фира, ты на улицу выходила нынче?

– Чего я там забыла? На этих... – соседка явно удержалась от крепкого словца, – что ли, смотреть? Или ты за регистрацию спрашиваешь? Так я не ходила. Вот думаю... или пойти на их рожи поганые поглядеть и ту бумагу получить? Ведь пойдёшь – работать заставят. Или таки плюнуть на это и помереть с голоду... чтоб им, собакам, нами подавиться...

– Тётя Фира, вам нужно теперь осторожнее. – Анна Николаевна старалась говорить как можно спокойнее. – Сегодня приказ повесили: всем евреям регистрироваться отдельно и ценности сдать. Не к добру это. Давайте подумаем, куда вас спрятать можно.

– Аня, ну какой спрятать... каждая собака в городе знает, шо я еврейка. И куда ты такие габариты спрячешь? – Тётя Фира иронично и выразительно обвела рукой свои крупные бёдра. – Нет уж, девки, коли евреям персонально велено регистрироваться, так я и пойду.

Мария даже руками всплеснула.

– Тётя Фира, не дури! Ну зачем ты пойдёшь! Неспроста они это затеяли. Знающие люди говорят, в Киеве всех евреев немцы в какой-то лагерь согнали. Якобы куда-то эвакуировать... а на самом деле что-то тут не то.

– То – не то... какая, к шутам, разница. Все пойдут, и я пойду! И прятаться не стану... и не ходите вы ко мне... Не

то какая-нибудь зараза вроде Зинки и вас евреями запишет.

Так и эдак убеждали её Анна Николаевна и Мария – тётя Фира была непреклонна: со всеми пойду, а там будь что будет.

Женщины уходили от соседки огорчёнными и подавленными.

Чувство, что всё это плохо кончится, не оставляло даже Валу. Она машинально помогала маме с очередной стиркой, а в голове крутился смешной стишок про мальчика Лёмеле, который так любили слушать ребята в санатории.

...Мама сказала:

– Ты мне послужи:

Вымой тарелки,

Сестру уложи.

Дрова наколоть

Не забудь, мой сынок,

Поймай петуха

И запри на замок.

Сестрёнка, тарелки,

Петух и дрова...

У Лемеле только

Одна голова!

Схватил он сестрёнку

И запер в сарай.

Сказал он сестрѣнке:
– Ты здесь поиграй!

Дрова он усердно
Промыл кипятком,
Четыре тарелки
Разбил молотком...⁴⁷

«Этот поэт, – вдруг подумалось девочке, – он ведь тоже еврей...»

---

⁴⁷ Стихотворение Льва Квитко «Лемеле хозяйничает». Перевод с идиша Н. Найдёновой.

Наташа. Из дневника

10 ноября

Говорят, сдали Ялту. Получается, весь Крым, кроме Севастополя, уже занят немцами? Мы тут живём совсем без правдивых сведений. Надеялись, может, немцы по своему радио врут всё, чтобы нас запугать, но мама видела Петра Сергеевича, он говорит – правда.

14 ноября

Вчерашнюю настоящую советскую газету «Правда» (первую страницу) кто-то ночью наклеил на стену дома. Я шла утром, увидела, но побоялась долго стоять читать – вдруг патруль. Успела только понять, что Севастополь держится. Ленинград всё ещё в блокаде. Призывы «Отстоим родную Москву!». То есть непосредственная угроза Москве всё ещё есть.

А шла обратно – газета уже сорвана, и паренёк убитый рядом с этим местом лежит. Лет тринадцати, не больше. Неужели просто за то, что читал?

15 ноября

Очень холодный день. Ночью даже мороз был: утром видела на траве иней. Как-то стремительно в этом году наступила осень. Вчера был ещё и ледяной ветер. Мы с мамой ходили в слободку, пытались поменять вещи на еду – там всё-таки огороды у людей есть. Замёрзли невероятно. Я пришла – аж зубы у меня стучали, еле отогрелась. Хорошо хоть, Ванюшку оставили с тётёй Лидой. Поменяли немного. Люди осторожничают, не знают, что будет дальше, опасаются голода и стараются запрятать то, что есть. Оккупанты отбирают всё, что попадает на глаза. Говорят, всех кур и гусей отловили и поубивали в первый же день. И люди видели, как румынские солдаты, которые железную дорогу охраняют, развели возле путей костёр и жарили гуся. Не кормят их в армии, что ли?

В общем, мы поделили с тётёй Лидой всё, что наменяли. Теперь у нас и у неё есть картошка, постное масло и кукуруза. На какое-то время хватит. Хотели ещё муки – хлеб или лепёшки всё же самая сытная еда, но говорят, что ни у кого нет. А может, просто попрятали.

16 ноября

Наши всё отступают, если судить по победным реляциям

немецкого радио и названиям взятых ими городов. Может, и врут, но похоже, что эта оккупация не закончится быстро. Неужели идти на них работать? У кого стоят немцы или румыны, у тех выбора нет – их чаще всего просто заставляют. У нас никто не живёт, так что выбор вроде бы есть. Но не работать – как же жить? Судя по тому, сколько удалось выменять вчера, скоро будет совсем нечего есть.

Некоторые люди почти сразу приспособились. Открываются парикмахерские и мастерские, которые содержат местные жители. Уже и обувь чинят, и сумки шьют, и одежду перешивают. Как расплачиваются в парикмахерской, не знаю, а за перешитое пальто, я видела, одна дама расплачивалась немецкой тушёнкой. Вчера наблюдала на улице стайку мальчишек лет 10–11, которые наладились чистить обувь и солдатам, и офицерам, и нашим. Ящики поставили на тротуаре, щётки раздобыли, ваксу даже двух цветов – чёрную и коричневую. Откуда только берут? Им платят едой или какими-то марками, на которые, говорят, что-то можно купить в открывшихся магазинах для местных. Впрочем, там тоже почти ничего нет. Во всяком случае, еда, мыло, спички – только на базаре.

На многих магазинах появились вывески «Только для немцев». Интересно, а работает там кто? Тоже немцы? Снаружи не видно, а заходить боюсь. Мы чувствуем себя униженными, запуганными и бессильными что-то изменить... Мерзко и противно. А с другой стороны, все будто уже при-

выкли к тому, что город оккупирован. Будто это нормально – что ничего нигде нельзя и нужно быть очень осторожными, чтобы не нарваться на выстрел. Вроде это уже обычная жизнь. А ведь ещё в октябре это невозможно было представить: как это – жить рядом с фашистами.

Фрицы стоят в соседних домах, но не у нас. Вот когда мы порадовались, что у нас туалет на улице и вода в колонке! Их это не устроило! Ура! Зато у Серафимы поселились какие-то офицеры (мама говорит, средние чины из полиции), и оттуда вечерами доносится музыка – и патефон, и губные гармошки – и визг, хохот... девки какие-то незнакомые туда ходят. Двор у нас общий – всё видно, но в их доме условия лучше, его недавно построили для сотрудников санатория РККА.

Странно видеть, что люди, которые на службе арестовывают и расстреливают других людей – таких же, как они сами, – потом приходят в квартиру и начинают просто веселиться или сидят на лавочке во дворе, играют на губной гармошке и рассматривают фотографии жён и детей, даже показывают их местным... Будто то, что они творят, – всего лишь обычная работа, как в конторе или на фабрике, ушёл – и оставил работу за порогом. Вот в первый же день повесили двух человек, застрелили парней, которые шли по улице после комендантского часа, – и ничего... просто работа?

19 ноября

Фашистское радио обещало, что их войска возьмут Севастополь к годовщине Октябрьской революции, потом – к 15 ноября, а теперь и вовсе помалкивает об этом. Надеемся, это значит, что наши войска пока ещё Севастополь не сдали, бьются.

Мы живём в постоянном страхе, беспомощные, нет никаких законов, жизнь наша зависит от прихоти фрицев.

Вчера появился новый приказ: все евреи и крымчаки должны явиться в течение трёх дней с вещами «для эвакуации за пределы Крыма». Приказано им собраться на стадионе РККА, причём можно брать с собой одежду и ценные вещи в неограниченном количестве, а ключи от квартир надлежит сдать в Еврейский комитет. Куда «за пределы Крыма» фашисты собираются эвакуировать евреев и крымчаков, зачем?

У меня возникла нехорошая ассоциация с той выборочной эвакуацией, когда выселили всех наших немцев в начале войны. Это что же получается? Что фашисты и советское правительство действуют очень похоже – делят людей по сортам? Страшная мысль. Наверное, я всё же ошибаюсь и просто про эвакуацию наших немцев чего-то не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.